

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

И. В. Герасимов, *Ab Imperio*

420015 г. Казань, А/Я 157

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© *Ab Imperio* и авторы статей и иных опубликованных материалов, 2015.

Материалы журнала рецензируются в **Scopus**, **Historical Abstracts** и

American Bibliography of Slavic and East European Studies.

Ab Imperio включен в Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**) и

имеет индекс **INT1** в European Reference Index for the Humanities (**ERIH**).

Номер издан при финансовой поддержке

фондов Института открытого общества

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

ISSN: 2166-4072 (print)

ISSN: 2164-9731 (online)

ISBN: 978-5-89423-110-5

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the **Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya Gerasimov, *Ab Imperio*

P.O. Box 157, Kazan 420015 Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2015 *Ab Imperio* and its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in **Historical Abstracts**,

Scopus, and **American Bibliography of Slavic and East European Studies**.

Ab Imperio is rated **INT1** in the European Reference Index for the Humanities

(**ERIH**) and included into the **Russian Science Citation Index**.

AI is also available online through **Project MUSE** and

Historical Abstracts with Full Text.

Production of this issue is supported in part
by a grant from the **Open Society Foundations**

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ

Сергей В. ГЛЕБОВ

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ

Марина Б. МОГИЛЬНЕР

Александр М. СЕМЕНОВ

Ilya V. GERASIMOV

Serguei V. GLEBOV

Alexander P. KAPLUNOVSKI

Marina B. MOGILNER

Alexander M. SEMYONOV

Литплавка и корректура

Мария НОВАК

Инна ХАРИТОНОВА

Тереза М. МАЛХАМИ

Style Editing and Proofreading

Maria NOVAK

Inna KHARITONOVA

Therese M. MALHAME

1/2015

www.abimperio.net

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

- Борис АНАНЬИЧ** (Санкт-Петербургский Институт
российской истории РАН, Россия)
- Jörg BABEROWSKI** (Humboldt University, Germany)
- Seymour BECKER** (Rutgers University, USA)
- Rogers BRUBAKER** (UCLA, USA)
- Mark von HAGEN** (University of Arizona, USA)
- Geoffrey HOSKING** (University of London, UK)
- Miroslav HROCH** (Charles University, Czech Republic)
- Ярослав ГРИЦАК** (Інститут історичних досліджень Львівського
національного університету імені Івана Франка, Україна)
- Peter GATRELL** (University of Manchester, UK)
- Искандер ГИЛЯЗОВ** (Казанский федеральный университет, Россия)
- Andreas KAPPELER** (University of Vienna, Austria)
- Maria KOVACS** (CEU, Hungary)
- Jan KUSBER** (Mainz University, Germany)
- Dieter LANGEWIESCHE** (Tübingen University, Germany)
- Kimitaka MATSUZATO** (The University of Tokyo, Japan)
- Alfred RIEBER** (CEU, Hungary)
- William ROSENBERG** (University of Michigan, USA)
- Darius STALIŪNAS** (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)
- Yuri SLEZKINE** (University of California at Berkeley, USA)
- Ronald SUNY** (University of Michigan, USA)
- Richard WORTMAN** (Columbia University, USA)
- Serhy YEKELCHYK** (University of Victoria, Canada)

Volodymyr MASLIICHUK, Candidate of Sciences in History, Executive Editor, Web Portal historians.in.ua, Kharkov, Ukraine. masliychuk@gmail.com

Olga MASTIANICA, Ph.D. in History, Research Fellow, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. mastianica@gmail.com

Anna MATOCHKINA, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Chair for Oriental Philosophy and Cultural Studies, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. annamatochkina@yandex.ru

Zita MEDIŠAUSKIENĖ, Dr. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. zita.medisauskiene@gmail.com

Alexandr OSIPIAN, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for History and Cultural Studies, Kramatorsk Institute of Economics and Humanities, Kramatorsk, Ukraine. agricolae_ua@yahoo.com

Madeleine REEVES, Ph.D., Lecturer in Social Anthropology, Department of Social Anthropology, The University of Manchester, UK. Madeleine.Reeves@manchester.ac.uk

Sebastian RIMESTAD, Ph.D., Research Fellow, Chair of Orthodox Christianity, Faculty of Philosophy, University of Erfurt, Germany. sebastian.rimestad@uni-erfurt.de

Dmitry SHEVCHUK, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, The National University of Ostroh Academy, Ostroh, Ukraine. dshevchuk@gmail.com

Darius STALIŪNAS, Ph.D. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. staliun@takas.lt

Andrey TUTORSKIY, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for Ethnology, History Department, Moscow State University, Moscow, Russia. tutorski@mail.ru

Josephine von ZITZEWITZ, Ph.D., Research Fellow, Department of Slavonic Studies, University of Cambridge, UK. jhfv2@cam.ac.uk

Serhy YEKELCHYK, Associate Professor, Department of History, University of Victoria, Victoria, Canada. serhy@uvic.ca

Larissa ZAKHAROVA, Ph.D., Associate Professor, School for Advanced Studies in the Social Sciences, Paris, France. larisazakharova@gmail.com

Andriy ZAYARNYUK, Assistant Professor, Department of History, the University of Winnipeg, Manitoba, Canada. a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

Зита МЕДИШАУСКЕНЕ

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ “ЛИТВЫ” В КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Более двух десятилетий назад Эгидиус Аляксандравичюс (*Aleksandravičius*) сформулировал методологическую и историческую проблему трансформации образа Литвы на протяжении XIX в. Он обратил внимание на то, что в первой половине XIX в. Литва воспринималась не как этническая, а как историческая категория. Под этим именем понималось пространство исторического Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое лишь после январского восстания 1863 г. “распадается” на этнографические Литву и Беларусь.¹ В появившихся с тех пор исторических работах обобщающего характера не только констатируется это иное, отличное от современного восприятие Литвы

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Института истории Литвы “Ментальные карты и национальное культурное пространство: случай Литвы” (*Mentaliniai žemėlapiai ir nacionalinė erdvėkūra: Lietuvos atvejis*) (VP1-3.1-ŠMM-07-K-03-005). Проект финансируется Программой развития человеческих ресурсов Европейского социального фонда, инструмент “Поддержка научной деятельности ученых и других исследователей (Общественная дотация)” 3-го приоритета “Развитие способностей исследователей”. Автор выражает благодарность трем рецензентам и редакции журнала *Ab Imperio* за ценные замечания.
¹ Egidijus Aleksandravičius, Antanas Kulakauskas. *Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius, 1996. Pp. 21-25.

в XIX в., но и прослеживается его историческая динамика в зависимости от социального и культурного контекста.² Цель данной статьи, основываясь на теории социального конструирования пространства Анри Лефевра (*Henri Lefebvre*), проанализировать существовавшие в литовском обществе первой половины XIX в. (точнее, в 1795–1864 гг.) представления о Литве, а также показать, как на них влияли политические, социальные и культурные процессы.

Начнем с рассмотрения изменения образа Литвы в среде польско-язычного дворянского сословия (шляхты), которое доминировало в экономической, социальной и культурной жизни крепостнического общества Западного края того времени. Слабое мещанское сословие не могло составить конкуренцию шляхте. Единственное исключение составляла группа деятелей науки и культуры, связанная с Виленским университетом. До его закрытия в 1832 г. эта группа успела проявить себя в качестве исключительно влиятельного интеллектуального центра, генерировавшего и пропагандировавшего новые идеи и ценности и внесшего значительный вклад в создание нового образа Литвы.

В современной историографии утвердился тезис польского историка права Юлиуша Бардаха (*Bardach*) о двуединой польско-литовской идентичности литовской шляхты XIX в.,³ восходящей к федеративному устройству польско-литовского государства, основанного на идее политической нации. Многие дворяне на бывших землях ВКЛ считали себя поляками – гражданами общего государства Польши (именно это название употреблялось в XIX в.), частью польской политической нации и сословия польской шляхты. Одновременно они воспринимали себя как литовцев – жителей ВКЛ и представителей литовского дворянства. При этом столетия жизни в общем государстве способствовали полонизации: польский язык был не только языком общественной, но и частной сферы. Только мелкая шляхта, чья жизнь лишь немного отличалась от жизни крестьян, да часть среднего дворянства сохраняли двуязычие и в быту употребляли народные языки – литовский или белорусский.

² Tamara Bairašauskaitė, Zita Medišauskienė, Rimantas Miknys. Lietuvos istorija. T. 8. D. 1: Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius, 2011. Pp. 34-55; Zita Medišauskienė. Lietuva ir jos ribos 1795–1915 metais // Lietuvos sienos. Tūkstantmečio istorija. Vilnius, 2009. Pp. 66-75.

³ Juliusz Bardach. Wieloszczęblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII–XX wieku // Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Instytucie Historii UAM w Poznaniu (11–12 maja 1998) / Pod red. Jana Jurkiewicza. Poznań, 1999. S. 11-34.

В XIX в. синкретичная польско-литовская идентичность претерпела значительные изменения. С одной стороны, на нее влияли идеи романтизма и рост интереса к литовской и местной истории, к народной культуре, которая придавала уникальность землям ВКЛ. Сказывалась и некоторая обособленность общественной жизни литовских земель от Царства Польского. В Варшаве в этот период заговорили о росте так называемого “провинциального литовского патриотизма”.⁴ С другой стороны, меняется представление о нации, которую все чаще понимают в категориях общей культуры. Растущая значимость культурной и языковой идентичности в имперской “антипольской” политике усиливала польскую составляющую двуединой идентичности. “Литовскость” же превращалась в региональную идентичность. Процесс дифференциации архаичной сложносоставной самоидентификации на современные национальные идентичности – польскую, литовскую и беларускую – длился вплоть до начала XX в.⁵ В первой половине XIX в. шляхта литовских земель оставалась основой местного польскоязычного дискурса. Созданные ее представителями тексты, тем не менее, отличались от литературы Царства Польского.

Неродовитая шляхта и незнатные, но образованные люди составляли отдельное коммуникативное пространство, участники которого стремились к возвращению литовского языка в сферу публичной жизни. Это означало создание и распространение литовской письменности и литовской культуры как главных атрибутов существования литовского народа, понимаемого уже не в политических, а этнолингвистических и исторических (общность традиции) категориях. Представители этого так называемого “литуанистического” движения создавали феномен литовской письменности и литовскоязычного дискурса.

⁴ Образец такого патриотизма в лице известного общественного деятеля Литвы середины XIX в. графа Евстафия Тишкевича рассмотрел Саулюс Пиворас: Saulius Pivoras. Teritorinis tapatumas Eustachijaus Tiškevičiaus visuomeniniame – politiniame pasaulėvaizdyje // Eustachijus Tiškevičius: darbai ir kontekstai. Mokslinių straipsnių rinkinys / sudarė Žyngintas Bučys, Reda Griškaitė. Vilnius, 2014. Pp. 41–55.

⁵ О формах национальной идентичности в Литве в конце XIX и начале XX вв.: Rimantas Miknys, Darius Staliūnas. The “Old” and “New” Lithuanians: Collective Identity Types in Lithuania at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries // Martyn Hausden and David J. Smith (Eds.). *Forgotten Pages in Baltic History. Diversity and Inclusion*. Rodopi, 2011. Pp. 35–48; Rimantas Miknys. Le metamorfosi dell’identità lituana nella prima metà del XX secolo // *Confini della modernità. Lituani, non-lituani e stato nazionale nella Lituania del XX secolo* / Ed. by A. Griffante [Studi Mitteleuropei. Vol. 4.]. Gorizia, 2010. Pp. 43–64; Dariusz Szpoper. *Gente Lituana, Nazione Lituana. Myśl polityczna i działalność konstancji Skirmuntt (1851–1934)*. Gdańsk, 2009.

Образ Литвы, функционировавший в этих средах на польском и литовском языках и станет предметом нашего рассмотрения в статье, за рамками которой остается восприятие Литвы в официальном российском или еврейском дискурсах, а также тема отношения к идее “Белоруссии” в литовском обществе первой половины XIX в., которая затрагивается нами лишь мимоходом.* В силу политических и культурных ограничений, основными жанрами литературы на польском являлись исторические и художественные произведения, а также описания путешествий. Реже встречались работы по географии, экономике и статистике. В литовскоязычном дискурсе доминировала дидактическая литература и календари, предназначенные для народа, литературные произведения, исторические и филологические труды. В последнее время эта литература и отразившаяся в ней трансформация символического образа и эмоционального восприятия Литвы на протяжении XIX в. привлекает внимание все большего числа ученых.⁶ Некоторые литовские, польские и белорусские исследователи в своих работах рассматривают не столько образ Литвы как комплексный и изменяющийся объект, сколько пространственные конфигурации отдельных земель бывшего Великого княжества Литовского, прежде всего Белоруссии и Жмуди (Самогития, Жемайтия) и изменения их названий.⁷ Исследователи обратили внимание на важность возрастающего влияния этнического фактора при трансформации образов Белоруссии и Жмуди, а также на роль языка не только в идентификации этнической принадлежности отдельных лиц, но и при определении границ этнических территорий.⁸

* Редакция *AI* старается различать “Белоруссию” и “Беларусь” в зависимости от контекста (например: историческое использование термина и современный рассказ о нем).

⁶ Paulius Subačius. *Lietuvių tapatybės kalvė*. Vilnius, 1999. Pp. 149-161; Brigita Speičytė. *Kraštovaizdis ir erdvinė vaizduotė XIX amžiaus vidurio Lietuvoje* // *Metmenys*. 2000. No. 79. Pp. 115-146; Vladas Sirutavičius. *Simbolinės geografijos: kelionės po XIX a. vidurio Lietuvą ir jų aprašymai* // *Lietuvos istorijos metraštis*. 1999 metai. Vilnius, 2000. Pp. 110-124.

⁷ Oleg Łatyszczek. *Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej*. Białystok, 2006; Александр Кравцевич, Александр Смоленчук, Сергей Токть. *Белоруссы: нация Пограничья*. Вильнюс, 2001. С. 98-108; Алясь Бель. *Хроніка Белой Русі*. *Chronicon Russiae Albae*. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000; Grzegorz Błaszczuk. *Żmudź w XVII i XVIII wieku. Zaludnienie i struktura społeczna*. Poznań, 1985; Adomas Butrimas, Vladas Žulkus, Alvydas Nikžentaitis, Vacys Vaivada, Egidijus Aleksandravičius. *Žemaitijos istorija*. Vilnius, 1997. Pp. 103-105; Eugenijus Saviščevas. *Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais*. Vilnius, 2010.

⁸ Vladas Sirutavičius. *Tautiškumo kriterijai multietninių visuomenių statistikoje*. XIX a. vidurio Lietuvos. Pp. 74-85.

Однако признавая важность этнического и лингвистического факторов в формировании образа Литвы в середине XIX в., нельзя забывать и о влиянии проводившейся российскими властями политике административного районирования, принципиально не совпадавшего с границами исторических земель. В отличие от полностью переформатированной территории ВКЛ, воссозданное после победы над Наполеоном Царство Польское номинально сохранило (хотя и с территориальными потерями) название и обособленность земель одного из членов Речи Посполитой. Даже на уровне генерал-губернаторства, объединявшего несколько губерний, бывшие земли ВКЛ не были собраны воедино, если не считать короткого периода второй половины 1860-х гг., когда после восстания 1863–1864 гг. в ведении виленского генерал-губернатора оказались все бывшие земли ВКЛ – Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская и Могилевская губернии, а также Марьямпольский, Кальварийский, Сейненский и Августовский уезды Августовской губернии Царства Польского. Обычно “белорусские” Витебская и Могилевская губернии оказывались в ведении одного генерал-губернатора, “литовские” Ковенская, Виленская и Гродненская губернии – другого, а Минская губерния присоединялась то к одному, то к другому, а то и к Киевскому генерал-губернаторству. Созданные на территории бывшего ВКЛ губернии не имели ничего общего с воеводствами времен Речи Посполитой, а меньшие административные единицы – уезды, сначала не слишком отличавшиеся по конфигурации от бывших поветов, сильно изменили свои очертания на протяжении первой половины XIX в. после серии уточнений их границ.

В течение нескольких десятилетий XIX в. власти старались вытеснить из сферы официального употребления само наименование “Литва”, которое еще некоторое время сохранялось в названиях административных единиц.⁹ После того как император лично запретил использование наименований “белорусские” и “литовские губернии”, указ Правительствующего сената от 18 июля 1840 г. законодательно оформил этот запрет. Последовали соответствующие переименования учреждений и периодических изданий. Мало того, в конце 1840-х гг. цензура начала вычеркивать названия Царства Польского и Великого княжества Литовского даже из изданий, предназначенных для крестьянства, аргументируя это тем, что упоминание Речи Посполитой

⁹ В 1797–1802 гг. существовала Литовская губерния, включавшая часть земель бывшего ВКЛ; в 1802 г. она была разделена на две: Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую губернии.

и ее частей будет формировать у читателей ощущение их реального существования.¹⁰

Таким образом, российские власти сделали многое для того, чтобы в пространстве империи не осталось видимых следов существования Великого княжества Литовского. И все же образ Литвы жил в общественном дискурсе Западного края Российской империи. Влияние исторической традиции было сильнее запретов, примером чему могут служить знаменитые строки уроженца руських земель ВКЛ, великого польского поэта-романтика Адама Мицкевича из поэмы “Пан Тадеуш”:
“Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie”.

Разрешение кризиса идентичности: разделение государства и нации

Но не только внешние силы угрожали существованию идеи Литвы как особого пространства со своим населением. После разделов Речи Посполитой общество ВКЛ переживало кризис идентичности, вызванный прекращением государственности. Дело было не только в психологическом шоке от произошедшего исторического катаклизма, но и в крахе привычного представления о политической нации.

Шляхетское общество Речи Посполитой эпохи Просвещения понимало нацию как сообщество граждан, связанных взаимными обязательствами, прежде всего обязанностью действовать “во имя общего блага” (*pro publico bono*), и определенными ценностями. Основной ценностью являлась гражданская свобода, т.е. право участвовать в управлении государством и решать его судьбу.¹¹ Гражданская свобода была не просто условием существования нации – она создавала саму нацию. Не менее важным считались принцип правового государства, правовые гарантии личной и имущественной безопасности и свобода слова. В текстах религиозных публицистов подчеркивалось и значение традиционной религии “отцов и дедов”.¹² Разделявшая эти ценности нация сводилась лишь к членам шляхетского сословия, а государство

¹⁰ Zita Medišauskienė. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Kaunas, 1998. Pp. 186-187.

¹¹ Исчерпывающий анализ понятия свобода в Речи Посполитой XVIII в. дала Анна Гжешковьяк-Квавич: Anna Grzeškowiak-Krawicz. Regina libertas. Wolność w polskiej myśli politycznej XVIII wieku. Gdańsk, 2006.

¹² Janusz Tazbir. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Poznań, 2002. S. 58-66; Kristina Mačiulytė. Kad Tėvynė gyvuotų ... XVIII amžiaus antrosios pusės Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos proginiai pamokslai. Vilnius, 2005. Pp. 148-149.

(*Rzeczpospolita* – республика) еще и в конце XVIII в. отождествлялось с шляхтой.¹³

Понятие Родины означало “дом” нации – государство, но не любое (даже если в нем довелось родиться и жить), а лишь то, которое заботится о счастье своих граждан и создает условия для гражданского патриотизма. Обеспечение прав и свобод являлось условием любви граждан к родине – патриотизма. Очевидно, что отношение между нацией или гражданским сообществом и государством (Родиной) носило договорный характер. Если государство не обеспечивало свобод, “чести, славы и пользы” своим гражданам, последние могли отказаться от лояльности по отношению к нему, т.е. поменять родину или перестать заботиться о ее благе, тем самым обрекая государство на крах.¹⁴ Тесная взаимосвязь и взаимозависимость представлений о нации и государстве означала, что с падением государства исчезает и нация, что и показал кризис идентичности граждан Речи Посполитой после ее третьего раздела.¹⁵ Крах государства был воспринят шляхетским обществом как исчезновение нации. Об этом в 1805 г. прямо заявляли известные политические деятели Польши и Литвы: Тадеуш Чацкий (*Czacki*) и Александр Ходкевич (*Chodkiewicz*). В октябре 1805 г. на церемонии открытия Кременецкого лицея Чацкий в своей речи обратился к собравшимся: “Собравшиеся земляки (*współrodacy*)! Почти все мы родились на той земле, имя которой, столько столетий известное миру, было вычеркнуто из числа имен наций”.¹⁶ Выступая по тому же поводу, ему вторил Ходкевич: “Извечная десница божья вычеркнула имя наше из числа живых наций...”¹⁷ Вместе с нацией исчезла, погибла и Родина.¹⁸

¹³ Единство государства, государственного строя и гражданина как черту политической культуры польского дворянства уже в конце XVI – первой половине XVII в. фиксировал польский исследователь Эдвард Опалинский: Edward Opaliński. *Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652*. Warszawa, 1995. S. 295. Так же: Andrzej Walicki. *Kultura i myśl polska. Prace wybrane*. T 1: *Naród, nacjonalizm, patriotyzm*. Kraków, 2009. S. 16-18, 40-42 и далее; Tomasz Kizwalter. *O nowoczesności narodu. Przypadek Polski*. Warszawa, 1999. S. 42-52, 84, 90.

¹⁴ Brigita Speičytė. *Poetinės kultūros formos*. LDK palikimas XIX amžiaus Lietuvos literatūroje. Vilnius, 2004. Pp. 65-69.

¹⁵ Там же. Pp. 69-73.

¹⁶ Mowa J. W. Tadeusza Czackiego ... dnia 1 Pazdziernika 1805 Roku, przy otwarciu Gimnazjum wołyńskiego w Krzemieńcu miana // *Dziennik Wileński*. 1805. T. 3. No. 8. S. 363.

¹⁷ Mowa Alexandra hrabi Chodkiewicza od Towarzystwa Warszawskiego przyjaciół nauk // *Gazeta literacka wileńska* No. 9. 3 marca 1806. Stulp. 131. К тому же выводу приходит и: Egidijus Aleksandravičius. *Tautos samprata ir pilietinės savimonės raida Lietuvoje XVIII a. pabaiga – XIX a. pradžia* // *Idem. XIX amžiaus profiliai*. Vilnius, 1993. Pp. 20-21.

¹⁸ Andrzej Feliks Grabski. *Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. Warszawa, 1976. S. 259.

“Контрактная” основа принадлежности к нации теоретически допускала достаточно легкую интеграцию в другую нацию при условии предоставления равноценных прав. В своем исследовании политического сознания литовской шляхты Г. Бярсянвявичюте-Носалова (*Beresnevičiūtė-Nosálová*) показала, что в начале XIX в. российская империя могла заручиться полной лояльностью литовского дворянства. Для этого надо было предоставить ему определенный набор свобод: прежде всего возможность участвовать в заседаниях сейма, личную и имущественную безопасность, а также восстановление территориальной целостности бывшего государства.¹⁹ Но поскольку ни одна из стран, аннексировавших польско-литовское государство, не могла и не захотела обеспечить новым подданным вожденных прав, ни одно из государств не стало для “поляков” родиной. *Ojczyzna* (Родина) превратилась в политическую идею Речи Посполитой как независимого государства со своим политическим строем, правами и свободами шляхты. В самой структуре идеи “Родины” было заложено стремление к ее восстановлению. Именно как политическую идею понимали ностальгию по Польше имперские власти, так ее понимали и жители Западного края.²⁰

Идея Родины поддерживалась исторической памятью. По мере того как угасала надежда на восстановление привилегий шляхты и воссоединение бывших земель ВКЛ и Царства Польского в рамках общей административной единицы, лояльность литовской шляхты Российской империи становилась все более проблематичной. Главным фактором поддержания групповой идентичности в этой среде становится обращение к общему прошлому. Уже в 1803 г. Чацкий призывает в качестве почитания “памяти почившей Родины” интересоваться историей своей семьи, поскольку именно истории семей создают историю народа, в семейной истории можно найти достойные примеры для воспитания молодого поколения. Вместе с тем семейная история как явление частной жизни не вызывала подозрений у новых властей.²¹

Литовская культурная элита начала XIX в. – профессора и студенты Виленского университета – понимала историю прежде всего как средство познания. Собирая и анализируя основанные на данных источников исторические факты, отыскивая, верифицируя и публикуя новые источники, они стремились узнать историю народа и государства и по-

¹⁹ Halina Beresnevičiūtė-Nosálová. *Lojalumų krizė: Lietuvos bajorų politinės sąmonės transformacija 1795–1831 metais*. Vilnius, 2001. Pp. 33–48.

²⁰ Medišauskienė. *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Pp. 190–191.

²¹ Beresnevičiūtė – Nosálová. *Lojalumų krizė*. P. 154.

нять причины его падения. Однако уже к середине XIX в. на передний план выходит идеологическая функция истории: она становится одним из главных каналов производства и координации национальной идентичности, объединяющей жителей бывшего государства в сообщество. Бывшие профессора Виленского университета и историки-любители продолжали собирать и публиковать источники, стремясь спасти от исчезновения или уничтожения документы, свидетельствовавшие о прошлом края. Создавались архивы, музейные собрания, проводились краеведческие исследования, публиковались насыщенные историческими деталями путевые дневники и историческая литература. Благодаря тому что научная функция истории уступила первенство психологической (поддержание чувства достоинства членов сообщества, их самооценки и веры в будущее), исторические тексты критического характера вызывали болезненную реакцию. Их воспринимали как покушение на статус политической нации, уже лишившейся собственного государства.²² Служа консолидации бывших жителей ВКЛ, историческая память усиливала их обособленное положение в Российской империи. Эту мысль уже в 1811 г. сформулировал граф Михаил Огинский в записке Александру I, отмечая, что именно память не позволит народу инкорпорированного края слиться с “московским народом”.²³

Вместе с потерянным государством и политическая нация превратилась в феномен идеализируемого прошлого и в политический лозунг. В этих условиях основой групповой солидарности шляхетской нации стали территория и общность происхождения – стабильные элементы шляхетского этоса, которые теперь актуализировались и получили новую интерпретацию. В упоминавшейся выше речи Тадеуша Чацкого констатируется гибель нации и содержится обращение

²² Подробнее см.: Egidijus Aleksandravičius. *Socialinė ir psichologinė Lietuvos romantinės istoriografijos prielaidos // XIX amžiaus profiliai*. Vilnius, 1993. Pp. 29-41; Reda Griškaitė. *Mykolas Balinskis: kova dėl istorijos?* Vilnius, 2005; Eadem. *Simono Daukanto raštai. Laiškai Teodorui Narbutui: epistolinis dialogas*. Vilnius, 1996; Eadem. *Konstantinas Tiškevičius ir Neris, arba Kelionė ir knyga*. Vilnius, 2009; Katarzyna Błachowska. *Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku*. Warszawa, 2009; Ewa Semenowicz. *Kreacja tożsamości kulturowej Litwy w pracach Wileńskiej Komisji Archeologicznej i Muzeum Starożytności w latach 30–70 XIX wieku*. Warszawa, 2012; Andrzej Feliks Grabski. *Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. Warszawa, 1976. S. 259-284.

²³ Michał Kleofas Ogiński. *Pamiętniki Michała Ogińskiego o Polsce i polakach od roku 1788 aż do końca roku 1815*. T. III. S. IX-X, 34-37.

к землякам (*współrodacy*), рожденным на земле, имя которой когда-то было известно всему миру. Подобным образом в большинстве польско-литовских текстов начала XIX в. подчеркивается аспект проживания на одной территории (земле). Обращение *współrodacy* многозначно: оно подразумевает и рожденных на одной земле, и живущих в одном крае, и общность происхождения. Чацкий имеет в виду сообщество земляков, связанных в настоящем лишь общим происхождением и географическим пространством бывшей нации и государства. Таким образом, происхождение соотносится с общей территорией и эти два фактора становятся элементами, объединяющими сообщество. Уже в XVIII в. понятие родина могло коннотировать место рождения, землю, привязанность к которой возникает интуитивно. Теперь же происхождение стало пониматься как неизменный основополагающий фактор, как кровная связь, передающаяся из поколения в поколение. Один из родоначальников литовской литературы Дионизас Пошка (*Poška*, *Paszkwicz*) в 1829 г. писал:

Каждый государь и каждая власть меняет не только название завоеванного края, но и делит его территорию по своему желанию и своей воле, но и после раздела территорий народы (*ludy*) живут в будущих поколениях. Пытливый историк и просвещенный литератор узнать способен и заявить свое мнение о том, из какого племени (*rodu*) происходит народ.²⁴

Переосмысленное таким образом общее происхождение на конкретной территории трансформировало и понятие “нации” (политического народа), и содержание коллективной идентичности. Сообщество, сформированное на основе общих политических прав и свобод (“нация”), в начале XIX в. стали постепенно переосмысливать как общность территориального происхождения и совместной истории (“народ”).²⁵ М. К. Огинский в меморандуме 1811 г. говорил о польском и литовском народах, нисколько не сомневаясь в их действительном существовании.

Согласно Анджею Валицкому (*Walicki*), в начале XIX в. в польско-литовском культурном контексте наметилось разделение понятий “нация” и “государство”. Процесс трансформации понятия “народ” завершился

²⁴ Dionizas Poška. Rozmyślenia wieśniaka rolnika (Dionizego Paszkiewicza byłego Pisarza P. R.) O narodzie i języku Litewsko-Żmudzkiem poprzedzone wierszem do X. Bohusza i Joachima Lelewela. Podane do Dziennika Warszawskiego, przez Współ-rodaka i Przyjaciela Żmudzinów // Dionizas Poška. Raštai. Vilnius, 1959. P. 649.

²⁵ Joanna Nowak. Duchowe piętno społeczeństw. Złożoność i przeobrażenia polskiej refleksji nad narodem w XIX wieku. Warszawa, 2008. S. 35-37.

только после восстания 1830–1831 гг., когда Мауриций Мохнацкий (*Mochnicki*) сформулировал концепцию народа как уникальной общей культуры. Соответственно территория польского народа определялась сферой доминирования польской культуры, а культурный фактор приобрел ключевое значение для обоснования требования восстановления территории исторического государства.²⁶ Та же динамика с некоторым запозданием прослеживается и на территории бывшего ВКЛ. В работах авторов второй трети XIX в., писавших на темы литовской истории, культуры и этнографии, усиливается тенденция к использованию таких культурных аргументов, как язык, религия, обычаи и традиции для обозначения границ национального сообщества.²⁷

Эта идейная эволюция соответствовала общеевропейской тенденции, сформированной под влиянием эпохи Просвещения с его представлением о прогрессе государств и народов как результате развития культуры и науки. Так, профессора Виленского университета рассуждали о том, что после падения государства Речи Посполитой, его бывший шляхетский народ по примеру древних греков и римлян обратился к творчеству, руководимый стремлением сохранить свою честь, доблесть (важнейшие ценности дворянского этоса эпохи классицизма) и достоинство в глазах новых государей, а также историческую память о былом величии.²⁸ Возвращение в число живых народов посредством науки и творчества – именно так формулировала свою миссию интеллектуальная элита ВКЛ в первые годы после потери независимости.²⁹ Они верили, что лишь реализованный творческий потенциал народа, а не преходящие политические формы, делают его бессмертным.³⁰ Вместе с тем, как отмечает Б. Спейчите,

после того как письменная традиция и публичная (прежде всего, письменная) коммуникация стали основным пространством самовыражения и распространения национальной идентичности

²⁶ Walicki. *Kultura i myśl polska*. T. 1: *Naród, nacjonalizm, patriotyzm*. S. 74, 188-196; Nowak. *Duchowe piętno społeczeństw*. S. 31-33.

²⁷ Аналогичные процессы в первой трети века происходили и в Царстве Польском. См.: Nowak. *Duchowe piętno społeczeństw*. S. 38-40.

²⁸ Tadeusz Czacki. *Rzecz o dziełach Elementarnych a szczególniej o dziele Jana Sniadeckiego pod tytułem Jeografia Matematyczna // Dziennik Wileński*. 1805. T. 1. No. 2. S. 4-5; Neryusz Golański. [Рец. кн.: Samuel Bogumil Linde. *Słownik języka polskiego*. T. 1-6. Warszawa, 1807–1815] // *Dziennik Wileński*. 1815. T. 11. No. 9. S. 294-295.

²⁹ Vincas Maciūnas. *Lituanistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje*. Vilnius, 1997. Pp. 34-37; Speičytė. *Poetinės kultūros formos*. Pp. 74-78.

³⁰ Speičytė. *Poetinės kultūros formos*. P. 360.

сообщества, среди проблем организации культуры на первый план вышел вопрос языка (язык призван обеспечить организацию коммуникации, являющуюся основой силы общества), а также вопросы нормирования и создания письменной традиции.³¹

Уже в XVIII в. в Речи Посполитой иногда признавалась роль языка в формировании народа. В этой связи часто цитируют Францишека Салезия Езерского (1740–1791), который понимал народ как сообщество языка, обычаев и традиций.³² В литовских землях примерно в то же время М. Карпович говорил о языке и религии как конструирующих народ факторах (наряду с гражданскими и политическими ценностями). Сохранение языка Карпович называл условием существования Родины. В отличие от прав, свобод и привилегий, язык никуда не исчез после гибели государства. Поэтому уже в 1805 г. профессор Виленского университета, языковед, влиятельный участник интеллектуальной жизни Вильны своего времени Анджей Снядецкий (*Sniadecki*) писал, что жители земель, бывших ранее Польшей, унаследовали от своих предков язык, который должен стать языком просвещения и интеллектуального совершенствования. Правда, в духе идей эпохи Просвещения Снядецкий видел ценность родного польского языка прежде всего как наиболее эффективного средства просвещения общества. Опыт других народов показывал, что лишь распространение научных знаний на родном языке делает их понятными всему обществу, каждому из его членов, что, по мнению Снядецкого, было важнее численности собственно ученых.³³ Он связывал судьбы языка и народа, считая, что отказ от родного языка ведет не только к приобретению чужих обычаев, образа жизни и ценностей, но и к крушению собственного государства:

Таким вот способом та самая молодежь медленно становилась худшими чужестранцами в своем собственном крае, а народ шел широким шагом к гибели. Уже Польша вычеркнута из числа живых народов, и она останется памятным примером для каждого политического сообщества, охотящегося за чужестранным и теряющего народные обычаи и характер.³⁴

В опубликованном в 1806 г. стихотворении “Родному языку” Липинский (*Lipiński*) представлял родной язык как передаваемое с молоком

³¹ Там же.

³² Kizwalter. O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. S. 104-105.

³³ J.S. [Jędrzej Sniadecki]. Przemowa // Dziennik Wileński. 1805. T. 1. No. 1. S. 2-3.

³⁴ Там же. S. 4.

матери наследие предков.³⁵ Поэт соотносил судьбы языка и родины (только в свободной стране процветает язык), указывая, что язык, в отличие от государства и народа, враг одолеть не в силах. Согласно Липинскому, язык соединяет живых с ушедшими поколениями, обеспечивая преемственность традиции, поэтому задача живых хранить язык и его чистоту. Вот почему в начале XIX в. на землях бывшего польско-литовского государства сохранение языка начинает приравняться к сохранению народа.³⁶

Очевидно влияние немецкой гуманитарной мысли конца XVIII – начала XIX в. на польско-литовских интеллектуалов. Особенно это касается воздействия идей Иоганна Готфрида Гердера и несколько позже Вильгельма фон Гумбольдта, которые понимали генезис и развитие языка как матрицу истории народа. В духе этих теорий в 1814 г. Ян Снядецкий писал о языке:

Это вне всякого сомнения закон, указанный товарищеской необходимостью, подтвержденный талантом первооткрывателя и утвержденный договорным принятием и употреблением целого народа. Утвержденный таким образом язык – знак, различающий между собой народы и их поколения, подобно тому как имена и фамилии, гербы и прозвища различают людей и семьи в товариществе.³⁷

Этнолингвистическое понятие народа получило распространение не только в языкознании, но и в этнографии, статистике и других социальных науках и оказывало все большее влияние на публичный дискурс. Если в первые два десятилетия XIX в. неофициальная этническая статистика еще использовала в основном сословные и конфессиональные критерии (например, в работе Игнатия Лахницкого³⁸), то начиная с 1830-х гг. язык становится основным критерием при описании этнических границ. Уже Станислав Плятер в работе “География восточной части Европы” (1825) считал язык основным отличительным признаком народа, лишь иногда дополняя его обычаями и религией.³⁹ На основании

³⁵ Lipiński. Do mowy oyczystey // *Dziennik Wileński*. 1806. T. 6. [No. 8]. S. 222-223.

³⁶ Maciūnas. Lituanistinis sąjūdis XIX a. pradžioje. Pp. 132-139.

³⁷ Jan Sniadecki. O języku polskim // *Dziennik wileński*. T. 1. Styczeń – czerwiec. 1815. S. 9. О связи мышления и языка см. также: Idem. O słowach jako wyrazach pojęć i o języku jako instrumencie myślenia // *Dziela Jana Sniadeckiego*, wydanie nowe Michała Balińskiego. T. V. Warszawa, 1837. S. 187-203.

³⁸ Ignacy Emanuel Lachnicki. *Statystyka guberni litewsko-grodzieńskiej*. Wilno, 1817.

³⁹ [Stanisław hr. Plater]. *Jeografia wschodniej części Europy czyli opis krajów przez wielorakie narody sławiańskie zamieszkanych, obejmujący Prussy, Xięztwo Poznańskie*,

языкового критерия определял этнические группы и территории их проживания и работавший почти в то же время Петр Кеппен.⁴⁰ Важной вехой в обосновании лингвистического критерия определения национальности стал вышедший в 1843 г. в Москве русский перевод работы словацкого ученого Павела Йозефа Шафарика (*Šafárik*) “Славянское народописание”, в которой человечество подразделялось на группы, в том числе и на народы, на основании антропологических признаков и языка.⁴¹ Книга Шафарика оказалась популярной и востребованной и среди интеллектуалов, исследовавших литовскую этнографию и статистику (в смысле состава населения), тем более что почва для ее восприятия была готова давно. С начала 1820-х велись разговоры о территории ВКЛ как о пространстве распространения польского языка, на которой доминировало польскоговорящее дворянство.⁴²

Признание языка фундаментальным критерием отличия народов способствовало переориентации просвещенческого интереса к элитарной культуре (часто создаваемой на языке, непонятном большинству местного населения) на массовую – народ шляхецкий (*lud szlachecki*). Уже в начале XIX в. один из первых исследователей этнографии и археологии на землях бывшего ВКЛ Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Черноцкий) высказал радикальную для своего времени идею о том, что народная культура является подлинным источником национальной самобытности.⁴³ Станислав Плятер определял географические границы этнических групп (“народов”) по языку жителей сельской местности. Новый подход предполагал, помимо языка, изучение местных обычаев,

Szlaşk Pruski, Gallicya, Rzeczpospolitę Krakowską, Krolestwo Polskie, i Litwę. Przez S.H.P. Wrocławiu, 1825; Sirutavičius. Tautiškuomo kriterijai multietninių visuomenių statistikoje. P. 77.

⁴⁰ [Петр Кеппен]. О происхождении, языке и литературе литовских народов. Статья, помещенная Петром Кеппеном [...] в 3-й книжке собираемых им материалов для истории просвещения в России. Санкт-Петербург, 1827.

⁴¹ П. И. Шафарик. Славянское народописание. Москва, 1843. С. 1-2.

⁴² Тамара Байрашаускайте цитирует написанное в начале 1819 г. письмо Михаила Юзефа Ремера Казимиру Грабовскому, в котором автор благодарит адресата за то, что последний призывал “объединиться для дела, касающегося всего на одном языке говорящего края”: Tamara Bairašauskaitė. Lietuvos bajorų savivalda XIX a. ripnmoje pusėje. Vilnius, 2003. P. 154. Знаменитый публицист Франтишек Гржимала (*Grzymala*) упоминал в 1822 г. польский язык как важнейший признак, выделяющий территорию: Vincas Trumpa. Šubravcai ir senasis Vilniaus universitetas // Metmenys. 1984. No. 47. P. 11; Józef Ignacy Kraszewski. Wieczory Wołyńskie. Lwów, 1859. S. 33.

⁴³ Julian Maślanka. Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1965. S. 29-33.

традиций, религии как элементов народного “образа жизни”.⁴⁴ При этом когда речь заходила о самоидентификации представителей дворянства или культурной элиты общества, не менее значимыми факторами становились история, родовая генеалогия, культурная общность и даже не потерявшая своего значения сословная принадлежность.⁴⁵

Таким образом, административные преобразования имперских властей после падения польско-литовского государства, усиление значения исторической памяти и языка, а в более широкой перспективе и рост значения национальной культуры, изменения содержания понятия народ (и формирование его этнолингвистического понимания) стали важными факторами, влиявшими на образ Литвы и его модификации в первой половине XIX в.

Обретение идентичности: представления о Литве

В 1847 г. упоминавшийся уже географ и исследователь славянских народов Станислав Плятер издал “Малую польскую энциклопедию”, в которой описал Литву и литовцев. Уже в первых предложениях автор точно и пронизательно отмечал многозначность этих понятий, выделяя, по меньшей мере, три различных определения Литвы: “изначальная Литва”, “историческая” Литва (сформировавшаяся после Люблинской унии 1569 г.) и территория, которая в “популярном, но неофициальном” дискурсе XIX в. называется Литвой.⁴⁶ Все три представления о Литве оставались актуальными в литературе того времени. Рассмотрим их бытование в польскоязычном дискурсе до середины XIX в., а затем обратимся к литовскоязычному дискурсу и образу Литвы в литовской письменности.

⁴⁴ Именно комплексное понимание национальной специфики отличало таких исследователей, занимавшихся в середине XIX в. установлением этнических границ в регионе, как Теодор Нарбут и Адам Гонорий Киркор: Teodor Narbutt. *Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony sławiańszczyzny* // Idem. *Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się*. Wilno, 1856. S. 268-269; Адам Гонорий Киркор. *Этнографический взгляд на Виленскую губернию* // *Вестник Императорского Русского географического общества*. 1857. Кн. 4. С. 236-257.

⁴⁵ Более подробно о критериях этнической статистики и их применении см.: Sirutavičius. *Tautiškumo kriterijai multietninių visuomenių statistikoje*. Pp. 74-85; Darius Staliūnas. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam – New York, NY, 2007. Pp. 105-120.

⁴⁶ [Stanisław Plater]. *Mała encyklopedia Polska przez S.P. T. 2: L–Z*. Leszno i Gniezno, 1847. S. 18.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТВА – ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Образ исторической Литвы или Великого княжества Литовского поддерживался прежде всего художественной литературой на исторические темы, историческими исследованиями и публикациями источников. На эти жанры в 1850–1870-е гг. приходилась значительная часть печатной продукции. Несмотря на то что границы ВКЛ с момента его возникновения постоянно менялись, в общественном сознании укоренилось представление о его территории, зафиксированной Люблинской унией 1569 г. и Андрусовским миром с Московским царством 1667 г. В этих границах ВКЛ существовало до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г.⁴⁷ Крещение Литвы и Люблинская уния воспринимались как наиболее значимые события почти всеми историками Литвы и большей частью литовского общества. М. Балинский (*Baliński*), Ю. И. Крашевский (*Kraszewski*), И. Онацевич (*Onacewicz*) и другие исследователи прошлого Литвы в своих работах утверждали, что с Люблинской унией завершилось существование самостоятельного литовского государства и литовской нации (литовский народ представляет собой лишь осколки бывшей нации), поскольку Великое княжество Литовское стало частью Королевства Польского, одной из трех его провинций (ВКЛ, Великая и Малая Польша), а литовская нация влилась в состав польской нации.⁴⁸ Литовское общество считало самой большой исторической ценностью сохранение ВКЛ в составе Речи Посполитой, которая с конца XVIII в. в повседневном обиходе не только внутри страны, но и за ее пределами называлась Польшей. Поэтому территория ВКЛ в границах 1772 г. являлась не только объектом политических устремлений, но и исторических реминисценций. Даже в описаниях местностей и путешествий или экономических работах авторы для облегчения пространственной ориентации по-

⁴⁷ Подробнее об изменении границ ВКЛ см.: Рамуне Шмигельските-Стукене. Территория и границы Литовского государства в XIII–XVIII веках // Границы Литвы. Тысячелетняя история. Вильнюс, 2010. С. 8-25.

⁴⁸ Michał Baliński, Tymoteusz Lipiński. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana... T. 3. Warszawa, 1850. S. 104-106; Józef Ignacy Kraszewski. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania i t.d. Tom II. Historia do XIII wieku. Warszawa, 1850. S. I-II, 393-394; Józef Ignacy Kraszewski. Litwa za Witolda. Opowiadanie historyczne // Athenaeum. 1849. T. 1-6. (более подробно см.: Т. 6. S. 55); Żegota Onacewicz. Rzut oka na dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego // Pamiętnik naukowo – literacki. Zesz. 1. Wilno, 1849. S. 8; Justyn Narbutt. Krótki rys pierwiastków Narodu Litewskiego z Różnych dawnych Autorów zebrany przez Justyna Narbutta. Grodno, 1820. S. 52.

стоянно ссылались на бывшую территорию ВКЛ и составлявшие его административные единицы.

Характерным примером переплетения современного взгляда и исторических реалий является совместная работа М. Балинского и Т. Липинского “*Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana*”. В этом трехтомном труде авторы ставили прагматическую цель предоставить историческую информацию о конкретных местностях (в большинстве случаев речь идет о городах), в которых проживали или которые могли посетить читатели, тем самым реагируя на растущую потребность в знаниях о родном крае.⁴⁹ Тем не менее их повествование строилось в соответствии со структурой государства, ликвидированного более полувека назад. Авторы поясняли, что трехтомная композиция книги диктовалась “разделением старой Польши на три большие провинции: Великую Польшу, Малую Польшу и Великое княжество Литовское”, и каждой из провинций посвящался отдельный том.⁵⁰ Внутри каждого тома местности описывались в рамках существовавших до 1772 г. воеводств и исторических регионов. “Литовскую провинцию”, согласно М. Балинскому, автору тома о ВКЛ, составляли Виленское, Троцкое, Смоленское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Брестское, Мстиславское и Минское воеводства, Жемайтское княжество и находившиеся в совместном польско-литовском владении Инфлянты (часть Лифляндии).⁵¹ Интересно, что в списке воеводств оказалось Смоленское воеводство, окончательно присоединенное к России по Андрусовскому миру (хотя в Речи Посполитой до самого конца сохранялись поветовые должности воеводства, а в Вильне собирались сеймики бывшей смоленской шляхты), таким образом поддерживая память о ранее входивших в состав ВКЛ землях. Авторы трехтомника также использовали исторические названия регионов: “настоящая Литва”, Белоруссия, Черная Русь, Запушанский тракт, Полесье.⁵² Аналогичный подход к описанию территории Литвы можно найти и в энциклопедических изданиях. Так, изданный в 1864 г. в Варшаве том “Всемирной энциклопедии” содержал объемную статью о Литве историка Леона Рогалского. Литву XVI–XVIII вв. он описывал в границах ВКЛ 1772 г., перечисляя в его составе те же во-

⁴⁹ Baliński, Lipiński. *Starożytna Polska pod...* T. I. Warszawa, 1843. S. 5.

⁵⁰ Там же. S. 7.

⁵¹ Там же. S. 116.

⁵² Там же. S. 116-117.

еводства и исторические регионы, что и в трехтомнике Балинского и Липинского.⁵³

Труд Балинского и Липинского, как и другие исторические исследования, в особенности энциклопедического характера, пользовались необычайной популярностью, их широко читали и цитировали в последующих работах. Постоянное обращение к истории приводило к тому, что в различных текстах официальные названия административных единиц дублировались старыми названиями времен Речи Посполитой или же упоминаниями исторических земель. Так, пояснялось, что Ковенская губерния – это бывшее Жемайтское княжество, а три уезда Витебской губернии – польские Инфлянты; Витебская и Могилевская губернии – Белая Русь и т.д.⁵⁴ Конечно, подобное дублирование, вплоть до использования наименования “Литовское княжество” применительно к Литве, чаще встречалось в первые десятилетия XIX в., когда еще сохранялась инерция старого пространственного воображения и не прижились новые официальные названия. Тем не менее такие исторические названия, как Жемайтское княжество и польские Инфлянты, оставались в ходу и много позже.

Б. Спейчите, изучившая описание ландшафта в травелогах путешественников по литовским землям первой половины XIX в., пришла к выводу, что “история является основным содержанием описания ландшафта, объединяющим пространство края”. Это, в свою очередь, объясняет, почему “различные ‘шляхетские’ описания края ясно показывают взаимоналожение карт: актуальной – международное или установленное Россией территориальное деление края – и исторической – со старыми границами ВКЛ”.⁵⁵ Соглашаясь с Спейчите в оценке центральной роли истории в конструировании нового образа Литвы, зададимся вопросом: действительно ли конструировавшийся в общественном сознании первой половины XIX в. образ Литвы буквально воспроизводил образ “исторической Литвы” – Великого княжества

⁵³ L. R. [Leon Rogalski]. Litwa // Encyklopedyja powszechna. T. 17 (Libelt-Marek). Warszawa, 1864. S. 293. В подготовке энциклопедии принимали участие и литовские авторы – издание считалось культурным явлением, общим для всех земель бывшего польско-литовского государства.

⁵⁴ Пример дублирования названий административных единиц: “Это в Литве, ранее – в Новогрудском воеводстве, теперь в Гродненской губернии...” [Neryusz] Golański. Słownik języka Polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde ... // Dziennik Wileński. 1815. T. 2. No. 10. S. 429.

⁵⁵ Speičytė. Kraštovaizdis ir erdvinė vaizduotė XIX amžiaus vidurio Lietuvoje. Pp. 128, 130.

Литовского? В следующем разделе мы попытаемся ответить на этот непростой вопрос. Дело в том, что текстов, в которых бы последовательно описывалось пространство официально не существовавшей в начале XIX в. “Литвы”, практически нет, если не считать нескольких энциклопедических изданий. Поэтому образ Литвы чаще всего приходится реконструировать на основе субъективного ощущения пространства у разных авторов, соотнося упоминаемые ими конкретные местности с тем или иным общим географическим пространством.

ЛИТВА

В вышедшей в 1847 г. “Малой энциклопедии” С. Плятер писал о Литве “в популярном смысле”, как простирающейся “(включая Белую Русь) от берегов Немана и Балтийского моря до Днепра; и охватывающей Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Виленскую и Витебскую губернии.”⁵⁶ Очевидно, что это описание Литвы было составлено до 1843 г., т.е. до учреждения Ковенской губернии. Обозначенные Плятером границы Литвы лишь отчасти совпадали с исторической территорией ВКЛ. Они уже отражали политические события конца XVIII в., перемены государственных границ и административного деления. Перечисленные им пять губерний охватывали почти всю территорию ВКЛ 1772 г., включая и Инфлянты, находившиеся в совместном польско-литовском владении, но за границами современной Литвы осталось некогда принадлежавшее ВКЛ Занеманье, вошедшее в состав российского Царства Польского (Августовское воеводство; с 1837 г. – губерния; в 1867 г. из ее части была создана Сувалкская губерния). Занеманье часто называлось “Польской Литвой” и, будучи частью Царства Польского, до 1850 г. отделялось от остальных литовских земель административной границей. Несмотря на это, историческая память о Занеманье как части ВКЛ до разделов Речи Посполитой сохранялась, а с этнографической точки зрения крестьяне “Польской Литвы” ничем не отличались от крестьян “Русской Литвы”.⁵⁷ Однако, как видим, новое политико-административное деление повлияло на значительную часть общества, которая больше не воспринимала Занеманье как часть “Литвы”. В середине

⁵⁶ [Stanisław Plater]. *Mała encyklopedia Polska*. S. 19.

⁵⁷ Ludwik Kondratowicz [Władysław Syrokomla]. *Podróż swojaka po swojszczyźnie*. Z rękopisu ogłosił Władysław Korotyński. Warszawa, 1914. S. 22; A...P...i [Andrzej Podbereski?]. *Podróże po Kraju (Wyjątek z listów do przyjaciółki)* // Rubon. 1845. T. 6. S. 94, 126; Aleksandr Połujański. *Wędrówki po gubernji Augustowskiej w celu naukowzm odbyte*. Warszawa, 1859. S. 6-10 и далее.

XIX в. читателям уже приходилось напоминать, что Занеманье – тоже “Литва”. Так в 1860 г. сувалксий корреспондент издания “Виленский вестник” писал:

Начиная свои письма из Сувалок, прежде всего должен я вам, братья литовцы, напомнить, что это еще Литва, что нам здесь до сих пор покровительствуют те же святые Казимир и Георгий... Словом, отсюда еще 4 мили до речки Нетта, по которой проходила граница с Короной; что здесь мы еще в старом Трокском воеводстве, что только шестьдесят лет Неман отделяет нас от Литвы.⁵⁸

Действительно, за шестьдесят лет из внутренней реки ВКЛ (за исключением отрезка границы с Пруссией) Неман превратился в границу, разделяющую “нации” бывшего государства, и даже границу между цивилизациями.⁵⁹ Символическое преодоление этих границ восстанавливало целостность бывшего государства.⁶⁰ Сходная ситуация наблюдалась со Смоленским воеводством, которое больше не включалось в границы “Литвы” XIX в., хотя историческая память о принадлежности этой территории “Литве” все еще сохранялась.⁶¹

Именно Литва, включающая пять, а после 1843 г. шесть губерний, становится ареной солидарных действий местного дворянства. Кампания 1856 г. по составлению петиции императору с требованиями уступок дворянству Северо-Западного края охватила все шесть губерний, встретив поддержку и в Юго-Западном крае.⁶² На съезд дворянства в 1862 г. в Вильну прибыли представители дворян тех же шести губерний – Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Виленской и Витебской.⁶³ Мы наблюдаем существование устойчивой

⁵⁸ Korrespondencja Kuryera Wileńskiego. Suwałki d. 6/18 kwietnia 1860 r. // Виленский вестник/Kuryer Wileński. No. 36. 1860, 6 maja. S. 355.

⁵⁹ Kondratowicz [Władysław Syrokomla]. Podróż swojaka po swojszczyźnie. S. 22-24.

⁶⁰ Так, во время празднования в 1861 г. юбилея Люблинской унии процессии из Ковны, т.е. со стороны России, и из Алексоты, т.е. со стороны Царства Польского, должны были встретиться на мосту через Неман. Подробнее см.: Ieva Šenavičienė. Lietuvos katalikų dvasininkija 1863 metų sukilimo išvakarėse. Vilnius, 2010. Pp. 241-245.

⁶¹ В биографии Елены Скирмунтовой (*Helena Skirmuntowa*) приводится диалог, возможно имевший место около 1864 г.: “Это, должно быть, уже Смоленская губерния, составная часть Великой Руси? – О, нет! Это Смоленское воеводство!”: *Z życia Litwinki, 1827–1874. Z listów i notatek złożył Bronisław Zaleski. Poznań, 1876. S. 154.*

⁶² *Vairišauskaitė. Lietuvos bajorų savivalda XIX a. pirmojoje pusėje. Pp. 83-92.*

⁶³ *Jakób Gieysztor. Pamiętniki Jakóba Gieyszтора z lat 1857–1865. Poprzedzone wspomnieniami osobistemi prof. Tadeusza Korzona oraz opatrzone przedmową i przypisami. T. 1. Wilno, 1913. S. 165.*

территориальной солидарности, распространяющейся практически на всю территорию исторической Литвы, за исключением Занеманья.

С другой стороны, в то же время существовало и другое, более отчетливо артикулированное представление о Литве, охватывающей лишь четыре губернии – Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Виленскую. Одним из наиболее ранних свидетельств понимания Литвы в границах четырех губерний является географическая таблица, приложенная к третьему изданию (1818) “Географии” Яна Снядецкого. В ней к Литве отнесены города, расположенные еще только в трех губерниях – Виленской, Гродненской и Минской, исключая Жмудь (включавшую Россиены (Расейняй) и Шавли (Шяуляй)). В то же время Витебск, Могилев и другие более мелкие города этих губерний были отнесены к “Белой Руси”.⁶⁴ Именно этот образ Литвы, включающей четыре (сначала – три) губернии, стал наиболее популярным в рассматриваемый период. Систематических описаний Литвы, состоящей из четырех губерний, практически нет, но авторы самых разных текстов периода относили к Литве населенные пункты, располагавшиеся именно в этих четырех губерниях – Ковенской, Гродненской, Виленской и Минской. Получавшаяся Литва в узком смысле больше не включала Витебскую и Могилевскую губернии, которые до 1840 г. назывались белорусскими не только официально, но и в широком обиходе. Соотносимый с ними регион соответственно был известен как Белая Русь или Белоруссия. Опираясь на мнение Алеся Белого, можно предположить, что литовское общество придерживалось старой традиции, восходящей к XVII в., когда утвердилось название Белая Русь, не идентифицировавшееся с Литвой. Белая Русь воспринималась как отдельная территория, инаковость которой объяснялась конфессиональными различиями.⁶⁵ Хотя к середине XIX в. ситуация существенно изменилась, некоторая отчужденность Белой Руси в повседневном сознании сохранялась.

⁶⁴ Jan Sniadecki. *Jeografija czyli opisanie matematyczne i fizyczne ziemi przez Jana Sniadeckiego podług wydania trzeciego na nowo od Autora przejrzanego, znacznie powiększonego z tablicą wyrażającą położenie jeograficzne znakomitszych miejsc na ziemi i z 3 tablicami* // *Dzieła Jana Sniadeckiego*. Wydanie nowe Michała Balińskiego. T. 7. Warszawa, 1838. S. 243-264.

⁶⁵ Бєлы. Хроніка Бєлой Русі. *Chronicon Russiae Albae*. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. С. 154-161. Сходного мнения придерживается и Олег Латышок, хотя он рисует ситуацию не такой однозначной: в одних случаях Белую Русь вместе с Литвой относят к ВКЛ, а в других она отделяется не только от Литвы, но и от ВКЛ: *Łatyszok. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej*. S. 251-254.

Даже в пределах четырех губерний Российской империи первой половины XIX в. “Литва” не была гомогенным пространством. Она складывалась из отдельных регионов – Литовской Руси, “настоящей Литвы” и Жмуди (Жемайтии), имевших свои особенности. Термин Литовская Русь употреблялся для обозначения той территории бывшего ВКЛ, на которой проживали славянские племена (обычно кривичи, в редких случаях кривичи и дреговичи). В первой половине XIX в. большинство низших сословий Литовской Руси составляло славянское население. Авторы польскоязычных исторических произведений и путевых заметок чаще всего называли их русинами. Литовская Русь располагалась на восток от “настоящей Литвы”, но точно определить границы этой территории непросто. Владислав Сырокомля писал о землях между Двиной (Даугавой) и Припятью, Днепром и истоками Немана, на которых проживали племена кривичей и дреговичей, говорившие на “русинском наречии”.⁶⁶ Но в его же описании путешествия из Вильны, созданном в те же годы, читаем, что русины (*rusini*) проживают гораздо дальше на запад от истоков Немана, даже к западу от Вильны. На пути к Кернаве через деревню Айренай проходит, согласно автору, “граница литовского и русинского племен и языков”.⁶⁷ Сырокомля не поясняет, каким образом граница территории русинских племен переместилась так далеко на запад от истоков Немана. Он лишь отмечает, что вдоль границы Литовской Руси с настоящей Литвой молодое поколение ополячивается, тем самым характеризуя ситуацию в пограничных и этнически смешанных районах.⁶⁸

Сходные проблемы с уточнением западной границы Литовской Руси возникли и у другого путешествующего дворянина – Константина Тышкевича. Описывая свое путешествие по реке Вилии (Нерис) от ее истоков в Минской губернии до слияния с Неманом у Ковно (Каунас), Тышкевич отмечал, что от истоков до реки Ошмяна (приток Вилии) по левому берегу, а по правому берегу до устья реки Жеймяна Вилия течет через земли кривичей, т.е. через Литовскую Русь, а от Ошмяны и от устья Жеймяны начинается настоящая Литва. Река Ошмяна является “естественной границей” двух наречий – ли-

⁶⁶ Władysław Syrokomla. Mińsk [II]. Kronika miasta Mińska // Teka Wileńska. 1857. No. 1. S. 224.

⁶⁷ “Ale właśnie, przez tę wieś przechodzi granica plemion i mowy Rusinów i Litwy”: Władysław Syrokomla. Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna (do Oszmiany – do Kiernowa – do Kowna). T. 2. Wilno, 1860. S. 89-90.

⁶⁸ Там же. С. 96.

товского и русинского.⁶⁹ “Племена” или “народы”, говорящие на этих наречиях, – литовцы и русины отличаются не только языком, но и “расой”, т.е. антропологическими чертами, одеждой и обычаями. Однако неожиданно, проплыв Вильну и одолев еще некоторое расстояние, путешественник снова сообщает, что здесь начинается настоящая Литва, т.е. обозначает ее новую границу в том же месте, что и Сырокомля!⁷⁰ Правда, в отличие от Сырокомли, Тышкевич объясняет, почему “настоящая Литва” на время исчезает: на берегах Вилии вокруг Вильны не осталось местных старожилов, а пришедшая, перебравшаяся сюда чиншевая шляхта, – это “кочевники”, принесшие с собой специфическую культуру и обычаи.⁷¹ Оба автора фиксируют процессы ассимиляции, приведшие к тому, что в середине XIX в. в окрестностях Вильны, в особенности на юге и юго-востоке от города, большинство населения составляли переселенцы, говорившие на славянских языках. Тем не менее, похоже, этот факт не оказал существенного влияния на территориальные представления о Литовской Руси. Ее не слишком четкая граница проводилась от городка Бреславль по реке Ошмяна на востоке до Лиды и Гродно на юге. От Вильны до Лиды территория относилась к “настоящей Литве”, а за Лидой начиналась Литовская Русь, хотя, как отмечалось, и там встречались литовскоязычные деревни.⁷² Указанная граница почти совпадает с установленной современными учеными границей распространения этнической группы литовцев и литовского языка до начала процесса ассимиляции в XIX в.,⁷³ хотя и не соответствует пределам Виленского и Трокского воеводств, которые в XVIII в. относились к Литве.⁷⁴

Как и в случае с другими историческими регионами, не совпадающими с современными административными границами, у нас не

⁶⁹ Konstantinas Tiškevičius. *Neris ir jos krantai hidrografiniu, istoriniu, archeologiniu ir etnografiniu požiūriu*. Vilnius, 2013. Pp. 130,138, 282.

⁷⁰ Там же. С. 224.

⁷¹ Там же. С. 224-225.

⁷² Edward Chłopicki. *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju (Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże)*. Warszawa, 1863. S. 75-76; Baliński, Lipiński. *Starożytna Polska*. T. 3. S. 252.

⁷³ Petras Gaučas. *Etnolingvistinė Rytų Lietuvos gyventojų raida. XVII a. antroji pusė – 1939 m.* Vilnius, 2004.

⁷⁴ Łatyszonek. *Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej*. S. 262. В географическом словаре XVIII в. в составе ВКЛ выделялась Русь или Литовская Русь, которою составляли воеводства Минское, Мстиславское, Новогрудское, Полоцкое, Витебское и Смоленское: Hilarion Karpiński. *Lexykon geograficzny dla gruntownego pojęcia gazet i historyi z rożnych awtorow zebrany, przetłumaczony i napisany przez X. Hilaryona Karpińskiego*. Wilno, 1766. S. 327, 492.

хватает данных для точного описания границ воображения Литовской Руси. Ее западные границы определялись несколько четче, особенно относительно территории “настоящей Литвы”, но восточные границы оставались неясными. Они могли ограничиваться территорией Минской губернии или включать белорусские Витебскую и Могилевскую губернии. Можно найти свидетельства в пользу как одной, так и другой точки зрения, что отчасти объясняется подмеченным Латышонком динамичным сосуществованием Литвы и Белой Руси в XVII и XVIII вв., а также начавшимся после первого раздела Речи Посполитой изменением понятия “края руськие”.⁷⁵ Создается впечатление, что Литовская Русь для авторов XIX в. обозначала территорию проживания русинов, в исторической перспективе – занятые великими князьями литовскими русские земли. В литературе того времени русины – говорящий на русинском языке народ или “племя”, наследники древних славянских племен, объект интереса путешествующего дворянина-этнографа, придающий посещаемой местности определенную специфичность. При попытках определить русинский язык читателю напоминают, что этим языком, заимствованным на завоеванных руських землях, пользовались в качестве официального великие литовские князья, на нем писали летописи и государственные документы. Наследником старого русинского языка считался и говор крестьян Литовской Руси, называемый также белорусским языком.⁷⁶ Именно белорусский язык (или говор, как тогда чаще писали) деревенских жителей Литовской Руси связывает эту территорию с Белоруссией – Витебской и Могилевской губерниями, крестьяне и мелкопоместное дворянство которых тоже говорили на белорусском языке. И именно белорусский язык становился критерием, позволявшим представить различные сословия, населявшие общую территории, как единую этническую группу.

В 1859 г. дворянин, поэт Винцент (Викентий Иванович) Дунин-Марцинкевич (*Dunin Marcinkiewicz*) перевел на белорусский язык поэму Адама Мицкевича “Пан Тадеуш”. Обосновывая свое намерение в предисловии к книге, Дунин-Марцинкевич пишет, что его перевод призван способствовать просвещению мелкопоместного дворянства и крестьян, говорящих только на белорусском наречии и не располагающих возможностями для просвещения. Поэтому, “облачив Пана Тадеуша в крестьянскую дерюгу”, переводчик “предназначает [перевод] дворянам и простому народу от Днепра, Двины, Березины, Свислочи, Вилии

⁷⁵ Łatyszonek. *Od Rusinów Białych do Białorusinów*. S. 261-264.

⁷⁶ Syrokomla. *Mińsk [II]. Kronika miasta Mińska*. S. 224.

(Нерис) и отчасти Немана”.⁷⁷ Так, с помощью “речной географии”, очерчивалась территория говорящего по-белорусски населения. Она включала Литовскую Русь с русинами и Белоруссию с проживавшими на ее территории беларусами. Правда, автор не давал территории общего названия. Намного раньше, в 1846 г., это сделал литовский этнограф и историк культуры Людвик Адам Юцевич (*Jucevičius, Juciewicz*), проведя границу через Свенцяны, Ошмянский уезд и Гродненскую губернию и назвав земли на восток от настоящей Литвы именем Белоруссия.⁷⁸

В беларуской историографии ведутся споры: кто и когда впервые дал имя Беларуси всем этническим беларуским землям – Михаил Коялович в 1863 г. или беларуский поэт Францишек Богушевич (*Багушэвіч*) в конце века?⁷⁹ Однако учитывая сложность и, по нашему мнению, все еще недостаточную изученность истории применения названий Белая Русь и Белоруссия и формирования общего этнонима “беларусы”, обсуждение кандидатуры “крестного отца” современного наименования Беларуси кажется преждевременным.⁸⁰ В первой половине XIX в. попытки объединить и связать единым названием весь говорящий на белорусском языке регион были еще редкими. Все еще сильна была инерция использования собирательного имени “русины”, прозвищ обитателей исторических земель “белорусов” и “чернорусов” и даже древних племенных названий – “кривичи”, “древляне” и т.п. Иногда предпринимались попытки подчеркнуть политическую при-

⁷⁷ [Wincenty Dunin Marcinkiewicz]. Pan Tadeusz. Dwanáćca szlachéckich bylic napisáu Adám Mickiévicz. Piarawiarnúu na białarúskuju hawórkú Wincenty Dúnin Marcinkiévicz. Wilno, 1859. S. 8.

⁷⁸ “Zbliżając się ku granicom Białorusi, w powiatach Zawilejskim, (Święciańskim), Oszmiańskim, i w całej gubernii Grodzieńskiej [...]”: Ludwik Adam Jucewicz. Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona przez Ludwika z Pokiewia. Wilno, 1846. S. 200.

⁷⁹ Міхась Біч. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаема адносіны з іншымі народамі. Мінск, 1993. С. 14; Алясь Смалянчук. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864–1917 г. Гродна, 2001. С. 32, 45; Сергей Токть. Беларусы в эпоху формирования современных европейских наций (XIX – начало XX в.) // Кравцевич, Смоленчук, Токть. Беларуссы: нация Пограничья. С. 102; Валер Булгаков. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006; Валер Булгакаў. Злыя дэманьы беларускай гісторыі // *Arche* / Пачаток. 2007. № 9. С. 97-178.

⁸⁰ О дискуссиях на эти темы: Кравцевич, Смоленчук, Токть. Беларуссы: нация Пограничья; Булгаков. История белорусского национализма; Булгакаў. Злыя дэманьы беларускай гісторыі. О значении названия “белорусы” в первой половине XIX в.; Рышард Радзік. Беларусы (Погляд з Польшчы). Мінск, 2002. С. 38-42.

надлежность крестьянина-русина бывшему Литовскому государству.⁸¹ С другой стороны, в начале 1860-х гг. растет число статистических работ, в которых все чаще упоминаются не русины (как в описании Виленской губернии Антона Корева), а белорусы.⁸² По мнению бела-

⁸¹ Примером может служить стихотворение Винцента Коротинского (*Vincent Korotyński*) на посещение Вильны императором Александром II: *Najjaśniejszamu Jaho Miłości Haspadarú Imperataru Aleksandrú Mikalájawiczu, piéśnia z paklónam ad litóvsko-rusínskai mužýckai hramády. Spisáv Vincés Korotyński*. Вильна, 1858.

⁸² Антон Корева, исчисляя жителей Виленской губернии по племенам и распределяя их в статистических таблицах, наряду с “великороссиянами” и поляками отнес к славянскому племени и “русинов”. При этом он сообщает, что проживающие в губернии славяне подразделяются на великороссиян, белорусов, чернорусов и кривичей. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния / Сост. капитан Генерального штаба А. Корева. Санкт-Петербург, 1861. С. 290, 321. В описи Ковенской губернии Д. Афанасьев относит к славянскому племени следующие “народы”: великороссияне, белорусы, малороссияне, поляки, моравы. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ковенская губерния / Сост. Д. Афанасьев. Санкт-Петербург, 1861. С. 279-282. И. Зеленский, описавший Минскую губернию и причисливший к ее коренному населению белорусов, чернорусов и поляков, признается, что в сфере этнографии и языка не видит между ними разницы. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния / Сост. Генерального штаба полковник И. Зеленский. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1864. С. 408-418. Павел Бобровский при описании Гродненской губернии тоже делит ее коренных жителей на белорусов и чернорусов, но признает, что те и другие говорят на белорусском наречии. Он делает вывод, что, “основываясь на языке, в Гродненской губернии мы отличаем две русския народности: Чернорусов, тех же Белорусов, и Малороссиян или, лучше, Полешуков или Пинчуков и Бужан (Рушков)”. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / Сост. член Императорского Русского географического общества Генерального штаба подполковник П. Бобровский. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1863. С. 107, 614-623. Указывая число жителей по “племенам” в губерниях Западного края, Михаил Лебедкин тоже в большинстве случаев выделяет белорусов наравне с малороссиянами и великороссиянами, и только в нескольких случаях (в числе их Гродненская и Виленская губернии) упоминает еще и староплеменные названия кривичей, бужан, ятвягов. Михаил Лебедкин. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 3. С. 131-160. Примечательно, что подразделяя жителей губерний на белорусов и чернорусов, Бобровский и Зеленский опирались на выпущенный в 1766 г. географический словарь Карпинского. И хотя оба признавали языковые и этнографические факты, все же чувствовали сильное давление исторической традиции. Ср. также: Михаил Долбилов. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. Москва, 2010. С. 182-192, о белорусском этническом факторе в политике имперской администрации в Северо-Западном крае: С. 192-226.

русского историка Сергея Токтя, эти работы стали важным фактором “в процессе развития белорусского нациестроительства”⁸³ и вместе с тем способствовали созданию представления о единой территории проживания белорусов.

Таким образом, несмотря на неясные границы, Литовскую Русь можно связать с этнической белорусской территорией, которая вычленилась из территории бывшего ВКЛ на основании специфики населения – языка, антропологических типов (критерий, применимый только к простолюдинам), одежды, обычаев и фольклора. Литовскую Русь изобрели не в XIX в. – этот регион выделяли и в ВКЛ. Но в XIX в. при его описании основное внимание начали уделять элементам этнической культуры, а не общему и историческому происхождению.

“СОБСТВЕННО ЛИТВА”

Другой достаточно часто выделяемой частью Литвы была “собственно Литва” (*właściwa Litwa*). С описания этой “изначальной Литвы” начинали практически все авторы первой половины XIX в. Литовцы, латыши, прусы и ятвяги относились к литовской или латышской группе племен, территория проживания которых охватывала побережье Балтийского моря от устья Вислы до Даугавы (иногда и далее на север) и территории, расположенные вдоль Вилии (Нерис), Немана и Буга. Изначальная территория Литвы соотносилась с территорией проживания литовских племен, объединившихся в ВКЛ. Предполагалось, что литовские племена слились в один народ. В связи с различным географическим положением земли двух групп этого единого народа получили названия Жемайтия (Жмудь, располагавшаяся у Балтийского моря, в нижнем течении Немана) и Аукштайтия (часть края, расположенная на возвышенности).⁸⁴ Территория проживания литовцев очерчивалась приблизительно, чаще всего в качестве западной границы указывалось побережье Балтийского моря, южной – берега Немана до Гродно. Восточная граница охватывала бассейн реки Вилия (Нерис) до верхнего течения, до земель кривичей (согласно Ю. Ярошевичу),⁸⁵ или граничила с Вилкомирским и Виленским уездами, занимая половину Ошмянского и Лидского уездов (согласно Т. Нарбуту и следовавшему

⁸³ Кравцевич, Смоленчук, Токть. Белорусы: нация Пограничья. С. 107.

⁸⁴ Józef Jaroszewicz. Zarysy z czasów pogańskich Litwy // Pismo zbiorowe wileńskie na rok 1859. S. 84; Kraszewski. Litwa. T. 1. S. 68-69.

⁸⁵ Jaroszewicz. Zarysy z czasów pogańskich Litwy. S. 84.

ему Ю. И. Крашевскому).⁸⁶ В контексте этого исследования важно, что территория проживания литовских племен связывалась с “настоящей Литвой”, как ее называл Ю. И. Крашевский, признавая, что установить исторические границы “настоящей Литвы” невозможно из-за процессов ассимиляции: “влияние соседей стерло и самые следы литовского языка и обычаев там, где в старые времена одни лишь они господствовали”.⁸⁷

Образ “собственно Литвы” отличался стабильностью, хотя в польскоязычной литературе Литвы середины XIX в., прежде всего в описаниях края, не играл ведущей роли. Он был частью представлений об этнической территории литовцев, хотя имеющиеся определения края часто противоречивы и неоднозначны. Например, профессор Виленского университета историк Игнаций Онацевич утверждал, что “настоящую Литву” составляет практически вся Виленская губерния (до административных реформ 1843 г.), большая часть Ошмянского уезда и часть Августовского воеводства.⁸⁸ Михаил Балинский, рассуждая о территории ВКЛ 1772 г., соотносил с “настоящей Литвой” более восточную территорию – все Виленское воеводство и часть Трокского воеводства вместе со Жмудью.⁸⁹ Таким образом, он включал в “настоящую Литву” земли, находившиеся на восток от обычно признаваемой в XIX в. литовско-славянской границы. Однако на уровне конкретного описания каждого воеводства и каждого повета Балинский давал детальные и точные (на основании языка жителей и топонимов) указания на территориальные границы различных этнических групп, в том числе и литовцев, относя к ним лишь три четверти жителей и населенных пунктов Виленского воеводства и лишь часть Бреславского и Лидского поветов. Лиду он располагал на границе “настоящей Литвы и Литовской Руси”, хотя за ней имелись литовскоговорящие деревни. К настоящей Литве Балинский относил и небольшой угол Гродненского повета,⁹⁰ а также находящуюся за Неманом часть Августовского воеводства Царства Польского – Мариампольский повет, Кальварийский повет и большую часть Сейнского повета, где большинство сельских жителей составляли литовцы.⁹¹

⁸⁶ Kraszewski. Litwa. T.1. S. 68-9.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Onacewicz. Rzut oka na dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 8.

⁸⁹ Baliński, Lipiński. Starożytna Polska... T. 3. S. 116-117.

⁹⁰ Там же. S. 121 и далее.

⁹¹ Korrespondencja Kuryera Wileńskiego. Suwałki d. 6/18 kwietnia 1860 r. S 355; Kondratowicz (Władysław Syrokomla). Podróż swojaka po swojszczyźnie. S. 22; A...P...i.

Одним из немногих историков, пытавшихся точно установить границы “настоящей Литвы”, был автор “Истории литовского народа” Теодор Нарбут. Он признавал сложность задачи в силу смешанности населения региона, но на основании этнографических и топографических исследований, а также привлекая составленные еще крестоносцами описания дорог, очерчивал, по его словам “очень приблизительно”, границу литовцев и славянских народов. Эта граница, согласно Нарбуту, начиналась с местечка Бакаларжево Августовской губернии у границы с Пруссией и заканчивалась Курляндской губернией, которая представляла собой северную границу Литвы.⁹² Проведенная Нарбутом граница литовской этнической группы располагалась далеко на восток от Вильны, оставляя этот город на литовских землях. Так же поступал и Балинский, основываясь не только на лингвистических реалиях (в самой Вильне и к югу от нее господствовал польский язык), но отчасти на этническом происхождении жителей и исторических соображениях.⁹³ Установленные Балинским и Нарбутом границы “настоящей Литвы” и славянских народов получили признание у авторов многих научных работ и путевых заметок.

Таким образом, “настоящая Литва” обычно определялась как часть земель бывшего Великого княжества Литовского, населенная этническими литовцами – сельскими жителями (“народом”) или литовским “племенем”. Понятно, что главным критерием в данном случае служил язык, но наравне с ним учитывалось и происхождение жителей (*rod*), что позволило инкорпорировать в территорию “настоящей Литвы” ассимилированные этнически литовские земли вокруг и на восток от Вильны, где население говорило на польском и беларуском языках.⁹⁴

Исследователи этнической статистики не сомневались, что часть литовского народа, говорившая на литовском языке, но исповедовавшая

Podróże po Kraju. S. 126; Połujański. Wędrówki po gubernji Augustowskiej w celu naukowzm odbyte. S. 6-10 и др.

⁹² Narbutt. Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony sławiańszczyzny // Idem. Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. S. 268-269. Описание установленной Т. Нарбутом границы см.: Medišauskienė. Lietuvos samprata XIX a. viduryje. Pp. 220-221.

⁹³ Baliński, Lipiński. Starożytna Polska... . Т. 3. S. 122-123.

⁹⁴ Пример употребления критерия происхождения: “Między Wilnem a Lidą, lud miejscowy używający części polskiej części litewskiej mowy, jest czysto litewskiego pochodzenia i pomimo blizkiego rusinów sąsiedztwa, zachował w zupełności typ i charakter swojej roztropnej, poważnej, choć nieco ociężałej rasy.”: E. Chłopicki. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju (Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże). S. 75.

протестантизм, а также отличавшаяся своей материальной культурой, жила в Восточной Пруссии,⁹⁵ но доказать, что Прусская Литва являлась частью “настоящей Литвы”, было непросто. Так, уроженец этнически литовских земель, писавший по-польски и по-литовски, этнограф и историк культуры Л. А. Юцевич, включал Прусскую Литву в состав исконной территории литовского народа.⁹⁶ Казалось бы, тем самым он объявлял ее частью Литвы,⁹⁷ но в другом месте той же работы Юцевич описывал “Прусскую Литву” как отдельную территорию наряду со Жмудью и “настоящей Литвой”.⁹⁸

Содержание понятия “настоящая Литва” в середине XIX в. сохраняло свою неоднозначность. Даже в упоминавшийся работе Юцевича, бесспорно являвшегося знатоком этнографии и литовской письменности, содержится, на наш взгляд, узкое понимание “настоящей Литвы”, относящееся лишь к небольшой территории расселения литовцев между Жемайтией (от реки Невежис) и славянской частью Литвы. Иными словами, его “настоящая Литва” включала только “верхнюю Литву” (Аукштайтию).⁹⁹

Более того, рассмотренные в этом разделе попытки установить территорию “настоящей Литвы”, определить ее восточные границы со славянами-русинами, относятся к достаточно позднему периоду 1840–1850-х гг. Однако можно предположить, что концепция “литовской этнической территории” (говоря современным языком) имеет более раннее происхождение. Корни понятия “настоящая Литва” обнаруживаются в существовавшем еще в Новое время термине *Lithuania Propria*, встречающемся в текстах ВКЛ XVI–XVII вв.¹⁰⁰ “Собственно Литву” в составе ВКЛ выделял и географический словарь XVIII в., включавший в нее Виленское и Трокское воеводства¹⁰¹ (хотя их территория выходит

⁹⁵ [Stanisław hr. Plater]. *Jeografia wschodniej części Europy*. S. 10-23.

⁹⁶ А. Л. Юцявичюс писал: “Нынешняя Виленская губерния, Жмудь, Прусская Литва и старое Августовское воеводство населены чисто литовским народом и имеют традиции и обычаи, общие для всей большой семьи [литовского] народа”: [Liudvikas Adomas Jucevičius]. *Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów*. S. 167.

⁹⁷ Там же. S. 252.

⁹⁸ Там же. S. 247, 350, 360.

⁹⁹ Именно такое представление о “настоящей Литве” содержат и путевые заметки Эдварда Хлопицкого: *Chłopicki. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju*. S. 75-76.

¹⁰⁰ Darius Kuolys. *Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorinėje literatūroje*. Vilnius, 1992. Pp. 65, 83-95.

¹⁰¹ Karpiński. *Lexykon geograficzny dla gruntownego pojęcia gazet i historyi z różnych autorów zebrany*. S. 327.

за пределы собственно этнической территории литовцев). Но рост популярности этнолингвистического понимания народа и исследования в области этнической статистики в XIX в. внесли свой вклад в более точное определение границ “настоящей Литвы”. Балинский, Нарбут и другие авторы опирались, прежде всего, на языковые данные, дополняя их и другими критериями: топонимами, этническим происхождением жителей, обычаями, формами материальной культуры.

В середине XIX в. обязательной частью популярного жанра путевых заметок стало описание различных социальных групп жителей, особенно представителей простого народа. Авторы, путешествовавшие по “настоящей Литве”, буквально в первых строках отмечали использование проживавшими на этой территории литовцами своего языка. Помимо этого, они подробно описывали литовскую народную культуру, образ жизни, обычаи, способы ведения хозяйства, часто сравнивая литовцев с живущими по соседству другими этническими группами. Таким образом создавался живой, яркий, насыщенный жизненными реалиями и портретами живых людей образ “настоящей Литвы”. Достаточно легко преодолевая внутренние административные границы Российской империи при реконструкции литовской этнической территории (так, переданное в Царство Польское литовское Занеманье легко включалось в состав “настоящей Литвы”), авторы XIX в. были ограничены в своем пространственном воображении существующими государственными границами. Поэтому входившая в состав Прусского королевства “литовская Пруссия” не рассматривалась как часть “настоящей Литвы”.

Жмудь (Жемайтия)

Отмеченный наиболее четкими контурами, это был, вероятно, наиболее специфический регион бывшего ВКЛ. Статус Жмуди относительно Литвы, при всей многозначности последней, был еще менее однозначным. Для одних авторов Жмудь являлась самостоятельным регионом бывшего польско-литовского государства, сравнимым с Литвой или Белой Русью. Например, путешествовавший по землям бывшего ВКЛ Эдвард Хлопицкий (*Chłopicki*) называл Жемайтию “одной из провинций старой Польши”.¹⁰² При взгляде из Варшавы как столицы Речи Посполитой и Жмудь, и Литва, и Белая Русь воспринимались как провинции бывшего огромного государства, имевшие свою региональную специфику. В то же время другие авторы считали Жмудь частью Литвы

¹⁰² Chłopicki. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju.

или “настоящей Литвы”. Как уже говорилось, так думал Балинский.¹⁰³ Оставивший описание Самогитского епископства Станислав Черский (*Czerski*) называл Жмудь “значимой частью Литвы”,¹⁰⁴ а Игнаций Бушинский (*Buszyński*) – нижней (низинной) Литвой.¹⁰⁵ Ю. И. Крашевский, пытавшийся установить территорию расселения литовцев на заре становления государства, отделял Жемайтию от “настоящей Литвы” (Аукштайтии), хотя и считал ее литовской землей. Крашевский утверждал, что в Жемайтии проживают представители литовских племен, немногим отличающихся от аукштайтов.¹⁰⁶ Вообще, независимо от того, как понималась Жмудь – как часть настоящей Литвы или как отдельный регион, писавшие о ней авторы признавали, что и на территории “настоящей Литвы”, и на территории Жмуди проживают литовцы.

Историческое название Жмуди – Жемайтское княжество – довольно долго сохранялось в текстах XIX в. Например, в 1839 г. Владимир Гадон (*Gadon*) издал в Париже, без оглядки на российскую цензуру, работу “Статистика Жемайтского княжества”. Именно под таким названием край фигурировал в тексте работы. Правда, автор считал нужным напомнить читателям, что на момент написания работы “Жемайтское княжество” входило в Россиенский, Тельшевский и Шавельский уезды Российской империи.¹⁰⁷

Жмудь – один из немногих регионов, границы которого не вызывали каких-либо серьезных проблем, и многие авторы не только перечисляли входившие в него уезды, но и старались указать границы края. Не было, наверное, автора, который не упомянул бы о том, что восточная граница Жмуди проходит по реке Невежис. “Я отправился на границу Литвы и Жмуди, туда, где прекрасный Невежис разграничивает эти два когда-то отдельных княжества...” – писал в своих путевых записках Юлиан Мошинский (*Moszyński*).¹⁰⁸ На Западе Жмудь ограничивали Балтий-

¹⁰³ Baliński, Lipiński. *Starożytna Polska...* . T. 3. S. 116.

¹⁰⁴ Stanisław Czerski. *Opis Żmudzkiej diecezji (z trzema mapkami) przez kanonika katedralnego Stanisława Czerskiego doktora teologii członka wielu towarzystw uczonych.* Wilno, 1830. S. 1.

¹⁰⁵ [Ignacy Buszyński]. *Dubissa główna rzeka w dawnym Księstwie Żmudzkiem dziś w gubernji kowieńskiej. Z mapą tej rzeki opisana przez I. B.* Wilno, 1871. S. 7.

¹⁰⁶ Kraszewski. *Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania i t.d.* T. 1. S. 69-70; Petras Kalnius. *Žemaičiai.* XX a. – XXI a. pradžia. Vilnius, 2012. Pp. 51-52.

¹⁰⁷ Włodzimierz Gadon. *Statystyka Xięstwa Żmudzkiego.* Paryż, 1839. S. 48.

¹⁰⁸ Julian Moszyński. *Podróż do Prus, Saksonii i Czech odbyta w roku 1838–1839.* T. 1. Wilno, 1844. S. 3.

ским морем, на севере – Курляндией, а на юге – Пруссией и Царством Польским.¹⁰⁹ В первой половине XIX в. описываемые границы Жмуди практически совпадали, с одной стороны, с границами Жемайтского княжества или Жемайтского старостства до разделов Речи Посполитой, а с другой – с границами Самогитского епископства. В своей истории Самогитского епископства епископ самогитский Мотеюс Валанчюс (*Valančius, Wołonczewski*) определял границы Медининского (Самогитского) епископства до XVII в., перечисляя все те же Балтийское море, Курляндию, Невежис и Королевство Польское. Также локализовал Жмудь в XIX в. С. Черский.¹¹⁰ Впрочем, все они признавали, что к XIX в. границы Жемайтского княжества и Жемайтского епископства изменились: княжество и епископство лишились небольшой территории за Неманом, которая после разделов и наполеоновских войн оказалась включенной в состав Царства Польского, так что с 1815 г. южная граница Жмуди проходила по Неману.¹¹¹ В 1819 г. власти империи отторгли от Жмуди и передали Курляндской губернии береговую линию – Палангу и ее окрестности, но эта территория продолжала оставаться частью Самогитского епископства. Жмудский поэт Сильверстрас Валюнас (*Valiūnas, Walenowicz*) назвал акт передачи Паланги Курляндской губернии актом насилия против жемайтов.¹¹² В первой половине XIX в. Паланга и находящийся на ее территории холм Бируте стали частью национальной мифологии. Огромной популярностью пользовалось легендарное повествование о том, как великий князь литовский, герой войны с крестоносцами за свободу Литвы Кейстут повстречал “простую девушку” Бируту, ставшую княгиней и родившую Литве другого защитника ее независимости – великого князя Витовта. Эта судьбоносная встреча произошла около Паланги. А. Юцевич, автор очерков о Жмуди, пересказывая в них историю Бируте, предпочел не упоминать, что с точки зрения административного деления Паланга больше не относилась к Жмуди – столь велико было ее значение для литовской мифологии.¹¹³

¹⁰⁹ Czerski. *Opis Żmudzkiey dyecezyi (z trzema mapkami)*. S. 1.

¹¹⁰ Motiejus Valančius. *Raštai*. T. 6: *Žemaičių vyskupystė*. Vilnius, 2013. P. 15.

¹¹¹ Valančius. *Raštai*. T. 6: *Žemaičių vyskupystė*. P. 15; Gadon. *Statystyka Xięstwa Żmudzkiego*. S. 50-51.

¹¹² Silvestras Valiūnas. *Biruta // Lietuvių baladė*. Vilnius, 1979. Pp. 33-35; Regina Mikšytė. *Silvestras Valiūnas*. Vilnius, 1978. Pp. 177-200; Butrimas, Žulkus, Nikžentaitis, Vaivada, Aleksandravičiu. *Žemaitijos istorija*. Pp. 176-177.

¹¹³ Ludwik Adam Jucewicz. *Wspomnienia Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza*. Wilno, 1842. S. 110-122; Ludwik Adam Jucewicz. *Rysy Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza*. Warszawa, 1840. S. 24-34.

Юцевич был далеко не одинок в своем настрое игнорировать передачу Паланги Курляндской губернии.

Таким образом, можно с достаточным основанием утверждать, что в польскоязычном дискурсе Литвы представление о Жмуди определялось прежде всего историческими прецедентами: образ Жмуди в XIX в. с незначительными коррекциями (поправка на недавние политические решения) воспроизводил историческое Жемайтское княжество или Жемайтское староство. В отличие от процесса формирования представлений о границах настоящей Литвы или Литовской Руси, этнический и языковой факторы не имели в данном случае большого значения. Население Жмуди выделялось среди прочего населения Литвы не языком, а образом жизни, уровнем материального благосостояния и обычаями, т.е. в основе разграничения лежали не этнические критерии, а географическое положение и хозяйственно-бытовой уклад населения. Часто авторы специально подчеркивали языковую общность Жмуди и Литвы, считая жмудский язык диалектом литовского.¹¹⁴

Видимо, первым автором, который показал польскоязычному читателю Литвы Жмудь не как исторический регион, а как этническую (точнее, субэтническую) территорию, был ксендз, языковед Амбразеюс Кашараускас (*Kašarauskis, Kossarzewski*). В вышедшей в 1862 г. польскоязычной статье о литовском языке и словарях литовского языка он выделил два представления о Жмуди: историческая Жмудь, которая когда-то “как княжество”, занимала территорию до реки Невежис; и Жмудь “как народ” (*naród*). Кашараускас достаточно точно очертил ареал распространения жемайтского диалекта, близкого к его современному ареалу.¹¹⁵ Впрочем, создатель жмудской грамматики Юргис Амбразеюс Пабрежа выделил Жмудь как особую территорию именно на основе жемайтского диалекта еще в конце 1820-х гг.¹¹⁶ Таким образом, Жмудь как исторический регион, традиции которого уходили в первые века существования ВКЛ, обретал новое понимание: Жмудь

¹¹⁴ Czerski. Opis Żmudzkiej dyecezyi (z trzema mapkami). S. 4.

¹¹⁵ К.А.К. [Амбразеюс Прanciшкус Каšараускас]. Znaczenie języka Litewskiego we względzie naukowym przez K.A.K. // Pismo zbiorowe Wileńskie na rok 1859. Wilno, 1859. S. 164. Более подробно о территории распространения литовских говоров: XXI amžiaus pradžios lietuvių tarmės: geolingvistinis ir sociolingvistinis tyrimas. Žemėlapiai ir jų komentarai. Vilnius, 2014.

¹¹⁶ Giedrius Subačius. Jurgio Ambraziejaus Pabrėžos žemaičių kalba // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 8: Asmuo: tarp tautos ir valstybės. Vilnius, 1996. Pp. 51-53. Пабрежа выделял “настоящую Жмудь” (“prawdziwa Żmudź”) и “настоящих жмудинов”: Там же. P. 53 (и сноска 99).

как территория субэтнической группы; и это этническое измерение старого исторического региона все больше усиливалось во второй половине XIX в., вытесняя историческое.

Образ Литвы в литовскоязычном дискурсе

Рассмотренные выше представления о Литве были сформулированы в работах, написанных на польском языке, языке публичного общения в литовском обществе того времени. В большинстве случаев они представляли дворянскую культуру Литвы. Однако первая половина XIX в. ознаменовалась началом “литуанистического движения”, когда сначала писатели дворянского, а позже и незнатного происхождения обратились к проблеме сохранения литовского языка, повышения его социальной роли, создания литовской литературы и письменной культуры и написания своей истории.¹¹⁷ В рамках периодизации Мирослава Гроха, первая половина XIX в. знаменует начало научного этапа национального движения.¹¹⁸

Для того чтобы помыслить Литву в модерных категориях национальной территории, требовалось переосмыслить само понимание литовскости – то, что Паулюс Субачюс, исследовавший становление литовского национального самосознания, назвал “узаконением нации”. Как уже упоминалось, почти все писавшие по-польски литовские историки в первой половине XIX в. придерживались мнения, что после Кревской и особенно Люблинской унии (1569) Литва как государство прекратила свое существование, слившись с Польшей. Одновременно исчезла и литовская нация (в понимании того времени) – литовская шляхта слилась с польской шляхетской “нацией”. На землях бывшего Великого княжества Литовского в XIX в. проживали лишь осколки бывшей литовской нации – литовский и русинский народы (в смысле “простолюдинов”) или “племена”, но не нации. Нация же оставалась одна – поляки, и литовский и русинский народы в перспективе могли стать частью польской нации.

Первое поколение деятелей так называемого литуанистического движения по своим взглядам еще было близко к этому доминирующему

¹¹⁷ Более подробно см.: Maciūnas. Lituainistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje; Subačius. Lietuvių tapatybės kalvė.

¹¹⁸ Miroslav Hroch. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. New York, 2000.

польскому дискурсу. Но второе поколение отказалось от представления о гибели и исчезновении литовской нации. Автор первой истории литовского народа Симонас Даукантас (*Daukantas*) не сомневался в существовании “нашего народа”, используя в качестве основного критерия нации родной язык населения. Все еще поддерживая разделение литовского народа на жемайтов и аукштайтов (кальненов), Даукантас, тем не менее, писал о “литовском свете” – общем мире литовского народа.¹¹⁹ Так активисты литуанистического движения первых трех-четырёх десятилетий XIX в. обосновали не только само существование литовской нации в ее современном понимании, но и ее уникальность с точки зрения истории, языка и культуры.¹²⁰

Впрочем, надо признать, что единый литовский этноним в XIX в. так и не утвердился. Хотя большинство авторов признавали, что литовцы и жемайты являются частями одного народа и разница в наименовании отражает лишь факт проживания в различных географических регионах, никто не спешил отказываться от старых названий. На протяжении всего рассматриваемого периода преобладало дуалистическое обозначение литовской этнокультурной нации – “литовцы и жемайты”. Та же ситуация сложилась и с языком: в работах Симонаса Станявичюса (*Stanevičius*), Йуозаса Чулда (*Čiulda*), Каликстаса Касакаускаса (*Kasakauskis*) и др. постоянно упоминались жмудский и литовский языки, хотя и признавалось, что это лишь диалекты одного литовского языка.¹²¹ Всю первую

¹¹⁹ [Simonas Daukantas]. Pasakas Phedro iszguldę isz lotiniszkos kalbos i žamajtiszką Motiejus Szauklys, o apskelbę Ksaveras Kanapackis. Petropilie, 1846. P. XVII. О понятии народа в работах С. Даукантаса: Saulius Pivoras. “Vargo pelė”: Lietuvos nacionalinės istoriografijos pradininkas Simonas Daukantas // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 5: Simonas Daukantas. Vilnius, 1993. Pp. 69-89 (особенно 78-80).

¹²⁰ Subačius. Lietuvių tapatybės kalvė. Pp. 34-37. Еще дальше пошел А. Кашараускас, говоря о естественном (врожденном) характере народов и языков. В 1859 г. он писал: “само Провидение разделило человечество на народы, каждому из которых дало право пользоваться языком, доставшимся каждому [народу]; почему же литовскому народу не приличествует пользоваться тем, что санкционировано естественным правом?”, см.: К.А.К. [Ambraziejus Pranciškus Kašarauskis]. Znaczenie języka Litewskiego we względzie naukowym. S. 164.

¹²¹ Trumpas pamokimas kalbos lituwyszkos arba Žemaytyszkos, nuo nekurio nobažna ysz draugistes Jezaus kunyga lotinyszokay paraszitas yr spāustas Wyjlniuj’ metuse 1737, dabarcziu atrastas yr ysznauja swiētuy paroditas. Wyjlniuje, 1829. P. I, III; Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 6: Juozas Čiulda. Trumpi samprotavimai apie žemaičių kalbos gramatikos taisykles / Parengė Giedrius Subačius. Vilnius, 1993. Pp. 28-29, 83, 91, 360; Kalixt Kossakowski. Grammatyka języka żmudzkiego ułożona przez X. Kalixta Kossakowskiego, plebana Kołtynianskiego doktora teologii / Kalbrieda leżuwio žiamaytiszko. Wilno, 1832. S. VII.

половину XIX в. продолжалась интенсивная работа по стандартизации литовского языка, и в качестве языкового стандарта выбирали то жмудское, то литовское наречие или старались их совместить.¹²²

Тем не менее, несмотря на сохранявшийся литовско-жемайтский дуализм и признание определенных различий между двумя группами литовцев, единство литовского народа не ставилось под сомнение. Если в начале века Д. Пошка еще призывал литовцев и жемайтов к единству и уважению друг к другу, а С. Станявичюс радовался кооперации литовцев и жемайтов, то С. Даукантас уже писал о “литовском мире” на землях литовского народа, где живут жемайты и аукштайты.¹²³ К середине XIX в. все литовцы и жемайты (или литовский народ) начинают восприниматься как сообщество, связанное узами и чувствами родства или братства, как дети одной матери – Родины Литвы. Материальной основой этого духовного сообщества считались общие языковые и культурные черты и историческое прошлое.¹²⁴ Другими словами, к середине XIX в. явно закладывались основы современного литовского национального самосознания. Определенной кульминацией этого процесса можно считать высказанную поэтом Йокубасом Даукшой (*Jokūbas Daukša*), писавшим на литовском и польском языках, идею о политической самостоятельности литовского народа: когда придет время борьбы за независимость, надо будет сражаться “не во имя Москвы, не во имя Польши, но во имя Литвы”.¹²⁵

Естественно, что формировавшееся современное национальное сообщество предъявляло претензии на определенную терри-

¹²² Giedrius Subačius. *Žemaičių mąstymo apie bendrinę kalbą istorijos metmenys // Metmenys*. 1997. No. 72. Pp. 125-148; Giedrius Subačius. *Žemaičių bendrinės kalbos idėjos*. XIX a. pradžia. Vilnius, 1998.

¹²³ [Simonas Daukantas]. *Pasakas Phedro iszgulde isz lotiniszkos kalbos i zamajtiszka Motiejus Szauklys*. P. XVII.

¹²⁴ [Antanas Tatarė]. *Pamokslaj iszminties ir tejsibes iszguldineti priliginimajs galwoczniu wisu amziu del Lietuwos wajkieliu*. Ispausti Suwałkuose, 1851 metuose; *Pamokslai gražių žmonių, geriems jų vaikeliams ir iščėslyvais padarintie tame ir ateinančiame gyvenime*. Išspausti Suwałkuose 1849 metuose // Antanas Tatarė. *Pamokslai išminties ir teisybės*. Vilnius, 1987. Pp. 25, 27, 68, 102, 214, 228 ir kt.; Klemensas Kairys. “Mielas brolau lietuvi kunige Pranciškai”, 1858, *Petaburkas // Ant upės karšto blindelė auga*. Eilėraščiai lietuvių ir lenkų kalbomis. Vilnius, 1987. P. 125; Стихотворения Йокубаса Даукши “Do Litwy”, “My z jednego bukietu dwa kwiatki ...”, “Niech żyje Litwa ...” и др.: *Ant upės karšto blindelė auga*. Pp. 172-183, 186, 188; Bronius Genzelis. *Socialinės ir politinės minties raida Lietuvoje. Būti ar nebūti Lietuvai?* Vilnius, 2005. Pp. 166-168.

¹²⁵ *Ant upės karšto blindelė auga*. Eilėraščiai lietuvių ir lenkų kalbomis. Vilnius, 1987.

торию.¹²⁶ Просветитель Занеманья, ксендз Антанас Татаре (*Tatarė*) в опубликованных в 1849 и 1851 гг. на литовском языке брошюрах называл адресатов своих текстов – литовских крестьян Занеманья – “литовцами”, “прекрасными детками Литвы”, а землю, на которой они живут, – “Литовской землей”.¹²⁷ Епископ самогитский М. Валанчюс в своих проповеднических письмах сохранял литовско-жемайтский дуализм, но из текста следовало, что край или земля, на которой живут литовцы и жемайты, – это общая “наша земля”, “наш край” или даже “забытая наша родина”.¹²⁸ Конечно, для Валанчюса существовала возможность идентификации “нашего края” с территорией епископства, но он давал основания думать и о территории проживания литовцев и жемайтов. Подобной двусмысленности не обнаруживается в светских произведениях. Й. Даукша определял Литву в терминах “речной географии”, перечисляя Невежис, Вилию, Неман, Апашу и Аглуону, т.е. реки, протекающие по территории этнической Литвы и служившие маркерами литовской территории.¹²⁹ Конечно, подобный образ Литвы все еще не отличался конкретностью, однако на рубеже 1850–1860-х гг. в литовском дискурсе появляются попытки точнее указать границы Литвы как территории литовского народа.

Так, в написанной на литовском языке и адресованной простым читателям небольшой по объему книге Микалоюса Акялайтиса (*Akelaitis, Akielewicz*) герой-рассказчик, монах-бернардинец, перечислял все административные единицы, составляющие “целую Литву”, т.е. всю Литву, которая простиралась от Вильны до Паланги и от Жеймьяй и Жагаре на границе Курляндии до Сейн и Лейпун в Августовской губернии. Эти пункты достаточно приблизительно очерчивали населенную в середине XIX в. литовцами территорию. Но когда Акялайтис переходит к конкретному перечислению губерний и уездов, составляющих Литву, в их число попадает не только Ковенская губерния, но

¹²⁶ Согласно Мирославу Гроху, на первом, “научном”, этапе национального движения не только должно быть ясно очерчено новое понятие народа, но и определены и описаны границы политической, исторической и этнической территории и установлены языковые нормы: Miroslav Hroch. *Mažosios Europos tautos*. Vilnius, 2012. P. 131.

¹²⁷ [Antanas Tatarė]. *Pamokslaj iszminties ir tejsibes iszguldineti priliginimajs galwocziui wisu amziu deļ Lietuwos wajkielu*. Pp. 25, 27, 68, 102, 214, 228 и др.

¹²⁸ Motiejus Valančius. *Ganytojiški laiškai / Parengė Vytautas Merkys, Birutė Vanagienė*. Vilnius, 2000. Pp. 119, 159.

¹²⁹ Jokūbas Daukša. “Dumka o rodzinie” // *Ant upės karšto blindelė auga*. Pp. 164-166.

и вся Виленская губерния, а также три уезда Августовской губернии, в которых проживали литовцы. Таким образом, Акялайтис широким жестом относил к Литве и территории Виленской губернии, которые в то время были заселены славяноязычным населением. Обозначенная им территория во многом соответствовала той, которую в исторических работах того времени называли “настоящей” и “исконной” Литвой. Акялайтис писал, что литовцы проживали и на землях пруссов, в так называемой Прусской Литве. Весь этот ареал автор называл “нашей землей”, где живут “наши люди”. Описание “своей земли” он дополнял данными о городах, где имелись прекраснейшие храмы. Конечно, самые красивые храмы находились в Вильне, но заслуживающие внимания храмы были и в других городах, попадавших в границы распространения литовского языка.

Акялайтис также использовал маркеры “речной географии”, которая охватывала и всю Виленскую губернию. Упоминались Двина (Даугава) и Дисна, Ошмяна, Лелупе, а также все основные реки, протекающие по территории этнической Литвы.¹³⁰ Похожую территорию между Лабгувой (Пруссия), Лиепайей, Динабургом и Гродно описывал и Йозапас Желвавичюс (*Zelvavičius*), называя ее землей, где живут литовцы и жемайты, “нашей родиной”, с которой автора связывали чувства сыновьей любви и долга.¹³¹ О желании работать на благо соотечественников, братьев-литовцев и литовской земли писал и другой литовскоязычный поэт, Валерионас Ажукальнис (*Ažukalnis*).¹³²

Интересно, что, хотя некоторые из упомянутых авторов включали в территорию национальной Литвы и Прусскую Литву, большинство создателей стандартизованного литовского языка предназначали его лишь “российской” Литве.¹³³ В то же время в границы воображаемой Литвы неизменно попадала и Вильна. Как административный и политический центр Вильну упоминал не только Акялайтис, но и епископ Валанчюс. Татаре писал о Вильне как о городе, откуда распространяются технические новшества, в который литовские крестьяне посылают своих дочерей набираться знаний. В оставшейся неопубликованной работе этого автора о Вильне говорится как о самом крупном городе

¹³⁰ Mikalojus Akelaitis. Kwestorius po Lietuąą wazinedamas žmonis bemokinašis. Wilniuja, 1860. Pp. 18-23.

¹³¹ I. A. Krylov. Pasakas. Pardėjo Jozepas Želvovicz. Wilniuje, 1863. P. 5.

¹³² Genzelis. Socialinės ir politinės minties raida Lietuvoje. Būti ar nebūti Lietuvai? P. 166.

¹³³ Subačius. Žemaičių bendrinės kalbos idėjos. XIX a. pradžia. P. 439.

Литвы, приводится история Виленской академии (т.е. университета) и создается образ Вильны как центра литовского просвещения, в котором “дети Литвы” набираются мудрости.¹³⁴

* * *

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. начался радикальный переворот в представлении о том, что такое Литва и кто такие литовцы. В результате многоступенчатого процесса переосмысления различных коннотаций понятия “Литва” вместе с исторической землей, более или менее тождественной ВКЛ, память о которой поддерживало литовское дворянство, не чуждое и политического видения этой земли, под именем Литвы начинают подразумевать территорию этнокультурной нации – литовцев. Новое понимание литовской нации стало возможным в результате изменения представления о нации и о содержании “литовскости”. На смену прежнему понятию нации эпохи барокко в смысле господствующего политического класса Речи Посполитой – шляхетства – пришло навеянное романтизмом представление о нации как духовной и культурной общности всего “народа”. Причем именно простолюдины (прежде всего, крестьяне), которые раньше не могли и претендовать на членство в шляхетской политической нации, начинают восприниматься как основа литовской нации. Их обычаи, язык, фольклор, игнорировавшиеся “высокой” культурой, становятся основой единой культуры литовского народа, над систематизацией и унификацией которой работали образованные патриоты литуанисты. Новое понимание литовского народа проводит границы с польскими и беларускими этнокультурными нациями и обретает пространственное измерение, когда возникает вопрос о “национальной территории” литовцев. Таким образом, к последней четверти XIX в. складываются структурные предпосылки для формирования современного литовского национализма как идеи политической автономии (а в перспективе – и суверенитета) литовской нации в пределах литовской национальной территории.

¹³⁴ Там же. С. 81; [Antanas Tatarė]. Šventa ir pagirta roda dėl išmintingų gražių ir dievobaimingų žmonių, kurie su rūpesčiu klausinėja kelio in amžiną ir iščėslyvą gyvenimą, o dideliai bijos prapulties dūšios savo. Parašyta metuose 1849 nuog užgimimo Kristaus Pono // Tatarė. Pamokslai išminties ir teisybės. Pp. 321, 339-340.

SUMMARY

The article traces the process of transformation of the idea of Lithuania in the lands of the former Grand Duchy of Lithuania during the first half of the nineteenth century. The Grand Duchy had all but disappeared within the Polish kingdom in the eighteenth century, and the partition of Poland seemed to be delivering the final blow to the medieval and early modern concept of Lithuania. Incorporated into the Russian Empire, the lands of the Grand Duchy were redistributed among new provinces in such a way that administrative borders would not coincide with historical ones. Later on, the very mention of Lithuania was prohibited in the names of provinces and titles of periodicals. And yet, precisely during this period, when even the cultural elite of the region was exclusively Polish-speaking, a radical transformation of mental mapping took place. The archaic concept of a historical region inhabited by a multiconfessional and multicultural population, "Lithuania" was reinvented as a national territory of the Lithuanian ethnic nation. This transformation proceeded over several stages, and was influenced by the rise of a Herderian linguistic understanding of the nation, a Romantic obsession with nativism, and the development of population statistics. Russian imperial anti-Polish policies helped the process of differentiation of the Lithuanian cultural elite from the former common Polish public sphere. Parallel to this, the Lithuanian lower classes were differentiated from the local Slavic population, and for the first time was imagined as belonging to the same horizontal community of solidarity as the elite – the community of culturally, historically, and territorially defined Lithuanians. The scene was set for the rise of a modern Lithuanian nationalist movement.

BIBLIOGRAPHY

A...P...i. *Podróże po Kraju (Wyjątek z listów do przyjaciółki)* // Rubon. 1845. Vol. 6. Pp. 87-124.

Akelaitis, Mikalojus. *Kwestorius po Lietuvą važinedamas žmonis bemokinąsis*. Vilnius, 1860.

Aleksandravičius, Egidijus, Antanas Kulakauskas. *Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius, 1996.

Aleksandravičius, Egidijus. *Socialinės ir psichologinės Lietuvos romantinės istoriografijos prielaidos* // Egidijus Aleksandravičius. *XIX amžiaus profiliai*. Vilnius, 1993. Pp. 29-41.

— Tautos samprata ir pilietinės savimonės raida Lietuvoje XVIII a. pabaiga – XIX a. pradžia // Egidijus Aleksandravičius. XIX amžiaus profiliai. Vilnius, 1993. Pp. 16-27.

Bairišauskaitė, Tamara, Zita Medišauskienė, Rimantas Miknys. Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius, 2011 (Lietuvos istorija. Vol. 8. No. 1).

Bairišauskaitė, Tamara. Lietuvos bajorų savivalda XIX a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2003.

Baliński, Michał, Tymoteusz Lipiński. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. . . Vol. 3. Warsaw, 1850.

Bardach, Juliusz. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII-XX wieku // Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Instytucie Historii UAM w Poznaniu (11–12 maja 1998) / Ed. Jana Jurkiewiczza. Poznań, 1999. Pp. 11-34.

Bely, Ales. Khronika Beloj Rusi. Chronicon Russiae Albae. Narys gistoryi adnoj geagrafichnoj nazvy. Minsk, 2000.

Beresnevičiūtė-Nosálová, Halina. Lojalumų krizė: Lietuvos bajorų politinės sąmonės transformacija 1795–1831 metais. Vilnius, 2001.

Bich, Mikhas. Belaruskae adradzhe`nne ŷ XIX – pachatku XX st. Gistarychnyia asablivasci, uzaema adnosiny z inshymi narodami. Minsk, 1993.

Błachowska, Katarzyna. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warsaw, 2009.

Błaszczyk, G. Źmudź w XVII i XVIII wieku. Zaludnienie i struktura społeczna. Poznań, 1985.

Bulgakov, Valer. Istoriiia belorusskogo natsionalizma. Vilnius, 2006.

— Zlyia demany belaruskaj gistoryi // Arche / Pachatok. 2007. No. 9. Pp. 97-178.

[Buszyński, Ignacy]. Dubissa główna rzeka w dawnem Ksęstwie Źmujdzkiem dziś w gubernji kowieńskiej. Z mappą tej rzeki opisana przez I. B. Vilnius, 1871.

Butrimas, Adomas, Vladas Źulkus, Alvydas Nikžentaitis, Vacys Vaivada, Egidijus Aleksandravičius. Źemaitijos istorija. Vilnius, 1997.

Chłopicki, Edward. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju (Inflanty, Źmudź, Litwa, Pobereże). Warsaw, 1863.

Czacki, Tadeusz. Rzecz o dziełach Elementarnych a szczególniey o dziele Jana Sniadeckiego pod tytułem Jeografia Matematyczna // Dziennik Wileński. 1805. Vol. 1. No. 2. Pp. 1-19.

Czerski, Stanisław. *Opis Żmudzkiej dyecezyi (z trzema mapkami) przez kanonika katedralnego Stanisława Czerskiego doktora teologii członka wielu towarzystw uczonych*. Vilnius, 1830.

[Daukantas, Simonas]. *Pasakas Phedro iszguldę isz lotiniszkos kalbos i zamajtiszką Motiejus Szauklys, o apskelbę Ksaveras Kanapackis*. St. Petersburg, 1846.

Dolbilov, Mikhail. *Russkii kraj, chuzhaya vera: etnokonfesionalnaia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow, 2010.

[Dunin Marcinkiewicz, Wincenty]. *Pan Tadeusz. Dwanáćć szlachéckich bylic napisáu Adám Mickiévicz. Piarawiarnúu na białarúskuju hawórku Wincénty Dúnin Marcinkiévicz*. Vilnius, 1859.

Gadon, Włodzimierz. *Statystyka Xięstwa Żmudzkiego*. Paris, 1839.

Gaučas, Petras. *Etnolingvistinė Rytų Lietuvos gyventojų raida. XVII a. antroji pusė – 1939 m.* Vilnius, 2004.

Genzelis, Bronius. *Socialinės ir politinės minties raida Lietuvoje. Būti ar nebūti Lietuvai?* Vilnius, 2005.

Gieysztor, Jakób. *Pamiętniki Jakóba Gieysztorza z lat 1857–1865. Poprzedzone wspomnieniami osobistemi prof. Tadeusza Korzona oraz opatrzone przedmową i przypisami*. Vol. 1. Vilnius, 1913.

Golański, Neryusz. *Review: Samuel Bogumil Linde. Słownik języka polskiego. T. 1-6. Warszawa, 1807–1815 // Dziennik Wileński. 1815. Vol. 11. No. 9. Pp. 294-295.*

Grabski, Andrzej Feliks. *Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. Warsaw, 1976.

Griškaitė, Reda. *Konstantinas Tiškevičius ir Neris, arba Kelionė ir knyga*. Vilnius, 2009.

— *Mykolas Balinskis: kova dėl istorijos?* Vilnius, 2005.

— *Simono Daukanto raštai. Laiškai Teodorui Narbutui: epistolinis dialogas*. Vilnius, 1996.

Grześkowiak-Krawicz, Anna. *Regina libertas. Wolność w polskiej myśli politycznej XVIII wieku*. Gdańsk, 2006.

Hroch, Miroslav. *Mažosios Europos tautos*. Vilnius, 2012.

— *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. New York, 2000.

J.S. [Jędrzej Sniadecki]. *Przemowa // Dziennik Wileński. 1805. Vol. 1. No. 1. Pp. 2-3.*

Jaroszewicz, Józef. *Zarysy z czasów pogańskich Litwy // Pismo zbiorowe wileńskie na rok 1859. S. 84.*

Jucewicz, Ludwik Adam. Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona przez Ludwika z Pokiewia. Vilnius, 1846.

— Rysy Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza. Warsaw, 1840.

— Wspomnienia Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza. Vilnius, 1842.

K.A.K. [Ambraziejus Pranciškus Kašarauskis]. Znaczenie języka Litewskiego we względzie naukowym przez K.A.K. // Pismo zbiorowe Wileńskie na rok 1859. Wilno, 1859. P. 164.

Kairys, Klemensas. “Mielas brolau lietuvi kunige Pranciškai”, 1858, Petaburkas // Ant upės karšto blindelė auga. Eilėraščiai lietuvių ir lenkų kalbomis. Vilnius, 1987. Pp. 125-129.

Karpiński, Hilarion. Lexykon geograficzny dla gruntownego pojęcia gazet i historii z różnych awtorów zebrany, przetłumaczony i napisany przez X. Hilarityona Karpińskiego. Vilnius, 1766.

[Keppen, Petr]. O proiskhozhdenii, iazyke i literature litovskikh narodov. St. Petersburg, 1827.

Kirkor, Adam Gonorii. Etnograficheskii vzgliad na Vilenskuiu guberniiu // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1857. No. 4. Pp. 236-257.

Kizwalter, Tomasz. O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warsaw, 1999.

Korotyński, Vincent. Najjaśniejszamu Jaho Miłości Haspadarú Imperataru Aleksandrú Mikalájawiczu, piésnia z paklónam ad litóvsko-rusínskai muzýckai hramády. Spisáv Vincés Korotýnski. Vilnius, 1858.

Korrespondencja Kuryera Wileńskiego. Suwałki d. 6/18 kwietnia 1860 r. // Kuryer Wileński. 1860. No. 36. P. 355.

Kossakowski, Kalixt. Grammatyka języka żmudzkiego ułożona przez X. Kalixta Kossakowskiego, plebana Kołtynianskiego doktora teologii / Kałbrieda leżuwio ziamaytiszko. Vilnius, 1832.

Kraszewski, Józef Ignacy. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania i t.d. Vol. II. Historia do XIII wieku. Warsaw, 1850.

— Litwa za Witolda. Opowiadanie historyczne // Athenaeum. 1849. Vol. 1-6.

— Wieczory Wołyńskie. Lvov, 1859.

Kravceвич, Aleksandr, Aleksandr Smolenchuk, Sergej Tokc. Belorussynaciia Pogranich`ia. Vilnius, 2001.

Krylov, I. A. Pasakas. Pardėjo Jozepas Želvovicz. Vilnius, 1863.

Kuolys, Darius. Asmuo, tauta, valstybė Lietuvos Didžiosios

Kunigaikštystės istorinėje literatūroje. Vilnius, 1992.

L. R. [Leon Rogalski]. Litwa // Encyklopedyja powszechna. Vol. 17 (Libelt-Marek). Warsaw, 1864. Pp. 293-298.

Lachnicki, Ignacy Emanuel. Statystyka guberni litewsko-grodzieńskiej. Vilnius, 1817.

Łatyszonek, Oleg. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.

Lebedkin, Mikhail. O plemennom sostave narodonaseleniia Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1861. No. 3. Pp. 131-160.

Lipiński, Tymoteusz. Do mowy oyczystey // Dziennik Wileński. 1806. T. 6. [No. 8]. Pp. 222-223.

Ludwik Kondratowicz (Władysław Syrokomla). Podróż swojaka po swojszczyźnie. Z rękopisu ogłosił Władysław Korotyński. Warszawa, 1914.

Mačiulytė, Kristina. Kad Tėvynė gyvuotų ... XVIII amžiaus antrosios pusės Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos proginiai pamokslai. Vilnius, 2005.

Maciūnas, Vincas. Lituanistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje. Vilnius, 1997.

Maślanka, Julian. Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław, Warsaw, Krakow, 1965.

Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Vilenskaia guberniia / Sost. kapitan Geneneral'nogo shtaba A. Koreva. St. Petersburg, 1861.

Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kovenskaia guberniia / Sost. D. Afanas'ev. St. Petersburg, 1861.

Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Minskaia guberniia / Sost. General'nogo shtaba polkovnik I. Zelenskii. Ch. 1. St. Petersburg, 1864.

Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Grodnenskaia guberniia / Sost. chlen Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva General'nogo shtaba podpolkovnik P. Bobrovskii. Ch. 1. St. Petersburg, 1863.

Medišauskienė, Zita. Lietuva ir jos ribos 1795–1915 metais // Lietuvos sienos. Tūkstantmečio istorija. Vilnius, 2009. Pp. 66-75.

— Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Kaunas, 1998.

Miknys, Rimantas, Darius Staliūnas. The “Old” and “New” Lithuanians: Collective Identity Types in Lithuania at the Turn of the Nineteenth and

Twentieth Centuries // *Forgotten Pages in Baltic History. Diversity and Inclusion* / Ed. Martyn Hausden and David J. Smith. Amsterdam, 2011. Pp. 35-48.

Miknys, Rimantas. Le metamorfosi dell'identità lituana nella prima metà del XX secolo // *Confini della modernità. Lituani, non-lituani e stato nazionale nella Lituania del XX secolo* / Ed. A. Griffante. Gorizia, 2010. Pp. 43-64.

Mikšytė, Regina. *Silvestras Valiūnas*. Vilnius, 1978.

Moszyński, Julian. *Podróż do Prus, Saksonii i Czech odbyta w roku 1838–1839*. Vol. 1. Vilnius, 1844.

Mowa Alexandra hrabi Chodkiewicza od Towarzystwa Warszawskiego przyjaciół nauk // *Gazeta literacka wileńska*. 1906. No. 9. March 3. Pp. 130-134.

Mowa J. W. Tadeusza Czackiego ... dnia 1 Pazdziernika 1805 Roku, przy otwarciu Gimnazjum wołyńskiego w Krzemieńcu miana // *Dziennik Wileński*. 1805. Vol. 3. No. 8. Pp. 361-382.

Narbutt, Justyn. *Krótki rys pierwiastków Narodu Litewskiego z Różnych dawnych Autorów zebrany przez Justyna Narbutta*. Grodno, 1820.

Narbutt, Teodor. Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony sławiańszczyzny // *Idem*. *Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historii Litwy odnoszące się*. Vilnius, 1856. Pp. 268-269.

[Neryusz] Golański. *Słownik języka Polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde ...* // *Dziennik Wileński*. 1815. T. 2. No. 10. P. 429.

Nowak, Joanna. *Duchowe piętno społeczeństw. Złożoność i przeobrażenia polskiej refleksji nad narodem w XIX wieku*. Warsaw, 2008.

Ogiński, Michał Kleofas. *Pamiętniki Michała Ogińskiego o Polsce i polakach od roku 1788 aż do końca roku 1815*. Vol. III.

Onacewicz, Żegota. *Rzut oka na dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego* // *Pamiętnik naukowo-literacki*. Part. 1. Vilnius, 1849.

Opaliński, Edward. *Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652*. Warsaw, 1995.

Petronis, Vytautas. *Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914*. Stockholm, 2007.

Pivoras, S. *Teritorinis tapatumas Eustachijaus Tiškevičiaus visuomeniniame – politiniame pasaulėvaizdyje* // *Eustachijus Tiškevičius: darbai ir kontekstai. Mokslinių straipsnių rinkinys* / Ed. Žygfintas Bučys, Reda Griškaitė. Vilnius, 2014. Pp. 41-55.

— “Vargo pelė”: *Lietuvos nacionalinės istoriografijos pradininkas Simonas Daukantas* // *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. Vol. 5: Simonas Daukantas. Vilnius, 1993. Pp. 69-89

[Plater, Stanisław]. *Jeografia wschodniej części Europy czyli opis krajów przez wielorakie narody sławiańskie zamieszkanych, obejmujący Prussy, Xięztwo Poznańskie, Szląsk Pruski, Gallicyą, Rzeczpospolitą Krakowską, Krolestwo Polskie, i Litwę*. Przez S.H.P. Wrocław, 1825.

[Plater, Stanisław]. *Mała encyklopedia Polska przez S.P. T. 2: L–Z*. Leszno i Gniezno, 1847.

Połujański, Aleksandr. *Wędrówki po gubernji Augustowskiej w celu naukowzm odbyte*. Warsaw, 1859.

Poška, Dionizas. *Raštai*. Vilnius, 1959.

Radzik, Ryshard. *Belarusy (Pogliad z Polishchy)*. Minsk, 2002.

Savisčevas, E. *Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais*. Vilnius, 2010.

Semenowicz, Ewa. *Kreacja tożsamości kulturowej Litwy w pracach Wileńskiej Komisji Archeologicznej i Muzeum Starożytności w latach 30.–70. XIX wieku*. Warsaw, 2012.

Šenavičienė, Ieva. *Lietuvos katalikų dvasininkija 1863 metų sukilimo išvakarėse*. Vilnius, 2010.

Shafarik, P. I. *Slavianskoe narodopisanie*. Moscow, 1843.

Sirutavičius, V. *Simbolinės geografijos: kelionės po XIX a. vidurio Lietuvą ir jų aprašymai // Lietuvos istorijos metraštis*. 1999 metai. Pp. 110-124.

— *Tautiškumo kriterijai multietninių visuomenių statistikoje*. XIX a. vidurio Lietuvos pavyzdys // *Lietuvos istorijos metraštis*. 1998 metai. Pp. 74-85.

Smalianchuk, Ales. *Pamizh kraiovasciu i nacyanal' naj ideiaj. Pol'ski rukh na belaruskikh i litovskikh zemliakh 1864–1917 g.* Grodna, 2001.

Šmigelskytė-Stukienė, Ramunė. *Territoria i granitsy Litovskogo gosudarstva v XIII–XVIII vekakh // Granitsy Litvy. Tysiacheletniaia istoria*. Vilnius, 2010. Pp. 8-25.

Sniadecki, Jan. *Jeografija czyli opisanie matematyczne i fizyczne ziemi przez Jana Sniadeckiego podług wydania trzeciego na nowo od Autora przejrzanego, znacznie powiększonego z tablicą wyrażającą położenie jeograficzne znakomitszych miejsc na ziemi i z 3 tablicami // Dzieła Jana Sniadeckiego*. Wydanie nowe Michała Balińskiego. Vol. 7. Warsaw, 1838. Pp. 243-264.

— *O języku polskim // Dziennik wileński*. T. 1. Styczeń – czerwiec. 1815. Pp. 7-20; 101-113.

— *O słowach jako wyrazach pojęć i o języku jako instrumencie myślenia // Dzieła Jana Sniadeckiego*, wydanie nowe Michała Balińskiego. Vol. V.

Warsaw, 1837. Pp. 187-203.

Speičytė, B. Kraštovaizdis ir erdvinė vaizduotė XIX amžiaus vidurio Lietuvoje // *Metmenys*. 2000. No. 79. Pp. 115–146.

— Poetinės kultūros formos. LDK palikimas XIX amžiaus Lietuvos literatūroje. Vilnius, 2004.

Staliūnas, Darius. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam, 2007.

Subačius, Giedrius. *Jurgio Ambraziejaus Pabrėžos žemaičių kalba // Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. Vol. 8: Asmuo: tarp tautos ir valstybės. Vilnius, 1996. Pp. 10-113.

— Žemaičių bendrinės kalbos idėjos. XIX a. pradžia. Vilnius, 1998.

— Žemaičių mąstymo apie bendrinę kalbą istorijos metmenys // *Metmenys*. 1997. No. 72. Pp. 125-148

Subačius, Paulius. *Lietuvių tapatybės kalvė*. Vilnius, 1999.

Syrokomla, Władysław. *Kronika miasta Mińska // Teka Wileńska*. 1857. No. 1. Pp. 173-232.

— Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna (do Oszmiany – do Kiernowa – do Kowna). Vol. 2. Vilnius, 1860.

Szpoper, Dariusz. *Gente Lituana, Nazione Lituana. Myśl polityczna i działalność konstancji Skirmuntt (1851–1934)*. Gdańsk, 2009.

Tatarė, Antanas. *Pamokslai išminties ir teisybės*. Vilnius, 1987.

Tazbir, J. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*. Poznań, 2002.

Trumpa, Vincas. *Šubravcai ir senasis Vilniaus universitetas // Metmenys*. 1984. No. 47. Pp. 9-27.

Trumpas pamokimas kalbos lituwyszkos arba Žemaytyszkos, nuo nekurio nobažna ysz draugistes Jezaus kunyga lotinysz kay paraszitas yr spāustas Wyjlniuj´ metuse 1737, dabarcziu atrastas yr ysznauja swiētuy paroditas. Vilnius, 1829.

Walicki, Andrzej. *Kultura i myśl polska. Prace wybrane*. Vol. 1: *Naród, nacjonalizm, patriotyzm*. Kraków, 2009.

Z życia Litwinki, 1827–1874. Z listów i notatek złożył Bronisław Załeski. Poznań, 1876.